

На фронтъ нашихъ доблестныхъ союзниковъ-Французовъ.

Заботливой рукой вѣрующихъ воиновъ, сооруженіе наблюдательнаго пункта, на виду у непріятеля, превращено въ маленький благоустроенный храмъ. Сюда стекаются воины со всей первой линіи огня, чтобы при грохотѣ орудейной стрѣльбы, въ тихой молитвѣ, почерпать новыя силы для продолженія борьбы съ врагомъ.

По фотографіи корреспондента «Огонька».

ПОКРОВСКІЕ КУРСЫ.

СРЕДНЯЯ ШКОЛА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ.

- 1) **МУЖСК. ГИМНАЗ.** и реальн. 2) **ЖЕНСК. ГИМНАЗ.** съ допол. нл. училищ. на атт. зрѣл.
3) **Учительскій институтъ.** 4) **Учительская семинарія.**

Особая подготовка на вольноопредѣл. I и II разряда.

Откр. приемъ во всѣ классы. Возрастъ не огранич. Курсы кажд. класса гимн. реальн. уч. проход. въ семестр (4 мѣс.). **Экзамены** на аттест. зрѣл. и за разн. кл. и званія **на курсахъ. Выдерж. зн. на курсахъ польз. всеми правами правит. гимназій, реальныхъ училищъ и др.**

Весною 1917 года выдержало экзаменъ 500 слушателей курсовъ.

При курсахъ библиот. русск. и иностр. научн. театр и научн. кинематогр. и др. вспомогают. учрежд.

Птрг., 1) Английскій пр. 41, уг. Садовой. Канцелярія 10-2 и 5-9 ч.
2) Кузнечный пер. 14-а, уг. Николаевск. (рядъ съ церк.) Канцел. 5-9 ч.
Занятія вечернія и утреннія. Начало занятій 1-го Сентября.

ОТДѢЛЫ КУРСОВЪ:

- 1) **Спец. Курсы иностран. языковъ,** (нѣм., франц., англ.) 1) для начинающ. 2) для продолж.
2) **Курсы экономич. и общ. наукъ.** Продолж. 2 семестра (8 мѣс.) 1-й сем.) Бухгалтерія, коммерч. ариом., политич. экон., статист., Государ. право. 2-й сем.) Спец. курсы бух. (въ банк., фабр., зав. и др.), кооперація, финанс. право, гражд. и торг. право, комм. корресп., коммерч. географія.
3) **СЧЕТОВОДНЫЕ КУРСЫ.** Продолжается 1 семестр.

КРАСИВО И СКОРО ПИСАТЬ
въ 8 ур. и дв. ит. бухгалтеріи обуч. каждого заоч. Удост. 5 вод. мед. 5 и поч. крест. за васс. Образцы шриф. учен. раб. и усл. выс. за 4-10 к. мар. Одесса. Рихельевская, д. 0. № 12. Проф. каллигр. Ш. КРУКУ.

УГРИ,

припи и жировое выдѣленіе уничтож. **БЫСТРО** и **БЕЗСЛѢДНО** **МОИМЪ ДОМАШНИМЪ** средств. Большой флак. съ наставл., хватающ. обычно на все время, высылаю немедленно **ТОЛЬКО** по получении стоимости или 1/2 ч. задатка. Цѣна флакона съ пересыл. и упаков. 6 р. 50 к. Пред. моему прому вѣрить, оно **ИСКРЕННО И ЧЕСТНО.** Москва, Долгоруковская ул., № 11 (одиннадцатъ) кв. 9, Марія Егоровна ЧУРБАНОВА.

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки, сифилиса и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіеся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкоостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапией, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ **ПЕЛЬ** и С-во П. Т. Г.

Я САМЪ ХОЗЯИНЪ

Кто желаетъ безъ затраты капитала заняться промышленностью, долженъ выписать книгу: „Я самъ — хозяинъ“, содержащую описаніе прибыльныхъ производствъ, которыя въ настоящее время будутъ имѣть особый успѣхъ. Заняться любымъ можетъ немедл. каждый. Цѣна 8 р. 50 к. **МОСКВА**, изд. „Лучъ“, Печатниковъ пер. 18/3.

Практическое руководство (ЭНЦИКЛОПЕДИЯ) для МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Необходимо какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ. Искусство быть внимательнымъ въ обществѣ, пользоваться успѣхомъ въ жизни. Интересный собесѣдникъ. Хорошій тонъ. Секреты красоты. Образцы различн. писемъ. Рѣчи, тосты и проч. на разные случаи. Краткое содержаніе: Обращеніе кавалера съ дамой. Обращеніе дамы съ кавалеромъ. Игры и забавы въ обществѣ. Розыгрышъ и выкупъ фантовъ. Искусство говорить рѣчи и тосты. Сборникъ интересныхъ стихотвореній. Афоризмы о женщинахъ. Афоризмы о мужчинахъ. Любовныя примѣты. Секреты красоты. Совѣты и указанія желающимъ пользоваться успѣхомъ. 1) совѣтъ женщинамъ. 2) совѣтъ мужчинамъ. Практич. совѣты во всѣхъ случаяхъ жизни. Нѣсколько словъ о бракѣ. Образцы различн. писемъ Цѣна 3 руб. 50 коп. Заказы и деньги адресовать: Москва, Тверская, 24/12, Т-во „АКЦИОНЕРЪ“.

Необходимое для МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ обоюга пола.

Какъ слѣдуетъ вести себя, чтобы имѣть успѣхъ въ жизни. Краткое содержаніе книги: Хорошій тонъ. Домашній комфортъ. Гигіена. Одежда. Эtiquette свѣтской жизни. Какъ держать себя за столомъ, на балахъ и вечерахъ. Какъ произносить тосты, рѣчи, привѣтствія. Какъ играть въ фанты и др. игры. Какъ вести переписку. Брачный отдѣлъ: сватовство, приданое, вѣнчаніе, обязанности жениха, невѣсты, шаферовъ, посаженной матери. Множество другихъ полезныхъ совѣтовъ на всѣ случаи жизни. Цѣна 2 р. 50 к. Треб. адр. Москва, изд-ву „Соколы“, отд. 3.

Необходимое для МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ обоюга пола.

Какъ слѣдуетъ вести себя, чтобы имѣть успѣхъ въ жизни. Краткое содержаніе книги: Хорошій тонъ. Домашній комфортъ. Гигіена. Одежда. Эtiquette свѣтской жизни. Какъ держать себя за столомъ, на балахъ и вечерахъ. Какъ произносить тосты, рѣчи, привѣтствія. Какъ играть въ фанты и другія игры. Какъ вести переписку. Брачный отдѣлъ: сватовство, приданое, вѣнчаніе, обязанности жениха, невѣсты, шаферовъ, посаженной матери. Множество другихъ совѣтовъ на всѣ случаи жизни. Цѣна 2 р. 50 к. Требованіе адресовать: **МОСКВА**, издательству „ЮРОТИПЪ“.

при ГОНОРРЕЕ

въ острой и хронической формѣ, и послѣдствіяхъ ея ПРИМѢНЯЕТСЯ ПРЕПАРАТЪ **ТИЗЛЕРИНЪ** доктора медиц. женевскаго университета **ГОРОХОВСКОЙ**. Для внутренняго употребленія „Тизлеринъ“ совершенно безвреденъ для организма и одинаково успѣшно прилѣженъ для мужчинъ и женщинъ. При употребленіи „Тизлеринъ“ не требуется никакаго срививленія, промыванія, прижиганія, бужировапія и т. п. Предостереженіе: „Тизлеринъ“ — д-ра мез. Гороховской породыма много вреднаго для здоровья поддѣлокъ, поэтому простота ст. покупателей быть особенно осторожными и требовать „Тизлеринъ“ только д-ра мез. Гороховской. Цѣна ординар. флак. или коробка капсулъ 3 р. 50. Двойного флакона или 2 короб. капсулъ 6 р. 00 безъ пересылки. Подробныя извѣщенія при флаговъ: Аптекар. маг. сна и леч. при омп. скинда. Отт. изъ ап. по пер. вр. Адресъ: Друмедиа женевскаго университета 3. М. ГОРОХОВСКОЙ, Москва, Срѣтенка, Дзевъ пер. д. № 1/28, кв. 3/6

НА ГИТАРЪ ■ БУХГАЛТЕРІЯ И КОММЕРЧЕСК. ОБРАЗОВАНИЕ.

въ вѣск. дней, безъ знанія нотъ, по новой сист. каждый науч. хорошо играть ари, романсы, танцы и пьесы. Полный заоч. курсъ съ прил. безпл. альбома модн. пьесъ наа. плат. за 3р. Москва, ред. журн. „Соколы“, отд. 3.

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ по самой обширной программѣ: **СЧЕТОВОДСТВО** (Двойная Итальянск. Бухгалтерія—общій курсъ и специальныя отрасли), Коммерч. Ариеметика, Коммерч. Географія, Торговое Право, Коммерч. Корреспонденція, Товаровѣдѣніе. **СТЕНОГРАФІЯ** по новѣйш. звуковому методу. Гарантія успѣха. Цѣнныя безпл. прилож. Аттестаты. Развр. на. Просп.—безпл. **ПЕТРОГРАДЪ**, Редакція „КОММЕРЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ“—3.

М. Г.
къ ОСЕННЕМУ СЕЗОНУ ТЕКУЩАГО ГОДА ПОСЛѢДНЯЯ МОДЕЛИ, ИЗГОТОВЛЕННЫЯ ВЪ ЛУЧШИХЪ ДОМАХЪ ПАРИЖА. ЛОНДОНА ПРИВЕЗЕНЫ И СПОИРОВАНЫ ВЪ РАЗНООБРАЗНѢЙШИХЪ МОДНЫХЪ МАТЕРІАЛАХЪ.
ІАВ СЕРІЯ ТАКИХЪ ШЛЯПЪ УЖЕ ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ съ СОВЕРШЕННЫМЪ ПОЧТЕНІЕМЪ **Д. ФРИДБЕРГЪ.**

Петроград, Адмиралтейский кан., № 17, соб. д.
 Рукописи, присланные без обозначения условий, оплачиваются по определению редакции. Возвращение рукописей не обязательно.
 Главная контора: Петроград, Галерная, 40, соб. д.
 Отделения конторы: при Невской Конторѣ «Биржевыхъ Вѣдомостей», Невский пр., 50 (уг. Садовой).
 Москва: Тверская ул., 37.

Еженедѣльный художественно-литературный ЖУРНАЛЪ ОГОНЬКЪ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
 съ перес. въ Россіи
 Съ 1-го іюля по конецъ года
4 руб. 50 коп.
 1 мѣс. — 75 коп.
 Переменная адреса 20 коп.
ОБЪЯВЛЕНИЯ:
 за мѣсто, занимаемое строкою нонпарейла на 2-й страницѣ обложки—3 руб., на 3-й и 4-й страницѣ обложки—2 р. 50 коп.

Перепечатка литературного, художественного и фотографического матеріала „Огонька“ безъ полнаго указанія источника воспрещается. (Законъ 20 марта 1911 г.)

* * *

И виды унылы и дни такъ нестосны...
 Съ тоской мнѣ дружить не впервые...
 Кругомъ только сосны, однѣ только сосны,
 Да тучи висятъ свѣтловыя.

Все сосны, да сосны... Отъ нихъ нѣтъ пошады,

Какой-то въ нихъ мертвенный холодъ!...
 Однѣ только сосны—простору преграды,
 Для сердца мучительный голодъ...

О, эти прямыя, застывшія сосны
 Съ ихъ зеленою мутной, несвѣжей, —
 Въ суровыя зимы и въ пылкія весны
 Всегда неизмѣнны, все тѣ же...

Все сосны!.. Стоять позади, за плечами.

И нѣтъ впереди имъ границы,
 Назойливо, грозно стоятъ предъ очами,
 Какъ зоркіе стражи темницы...

Зажмуришься: думаешь, это—защита

И отдыхъ отъ пытки... Напрасно!

Онѣ и тогда, хотъ глаза и закрыты.

Во мракѣ рисуются ясно...

Въ душѣ зарождаются гнѣвные думы:

Пускай бы топоръ здѣсь внѣдрился,—

Чтобъ путь, вмѣсто сосенъ гнетущихъ,

угрюмыхъ,

Широкій просторъ воцарился...

Петръ Быковъ.

ИЗЪ ПѢСЕНЪ СВОБОДЫ.

На рубежѣ иной земли

Я пѣсню новую слагаю...

Моей печали корабли

Пришли къ завѣщанному краю...

Мой сѣдые паруса

Боролись съ прихотями моря,

Ихъ рвали буря и гроза,

Волды безкрайняго простора.

И я причалилъ къ берегамъ,

Я, сынъ исканій и гоненья,

И по гранитнымъ ступенямъ

Иду я въ храмъ освобожденья...

И сбылся пимъ, что въ насъ воз-

Что создавали всѣ народы— нигъ,

И я несу послѣдній крикъ

На алый жертвенникъ свободы...

Иду... Послѣдняя ступень...

И оглянулся я на море,

Туда, гдѣ въ этотъ долгій день

До дна я выпилъ чашу горя...

Прощай, прощай, позоръ и тьма!..

Пусть въ славный часъ освобожденья

Мое сомнѣніе—тюрьма

Уйдетъ, какъ горечь оскорбленья...

И если искупленья мигъ

Пересчѣть мою балладу—

Пусть мой послѣдній гордый крикъ

У храма будетъ мнѣ въ награду...

Родится пѣсня на Землѣ

О томъ, что кто-то въ часъ невзгоды

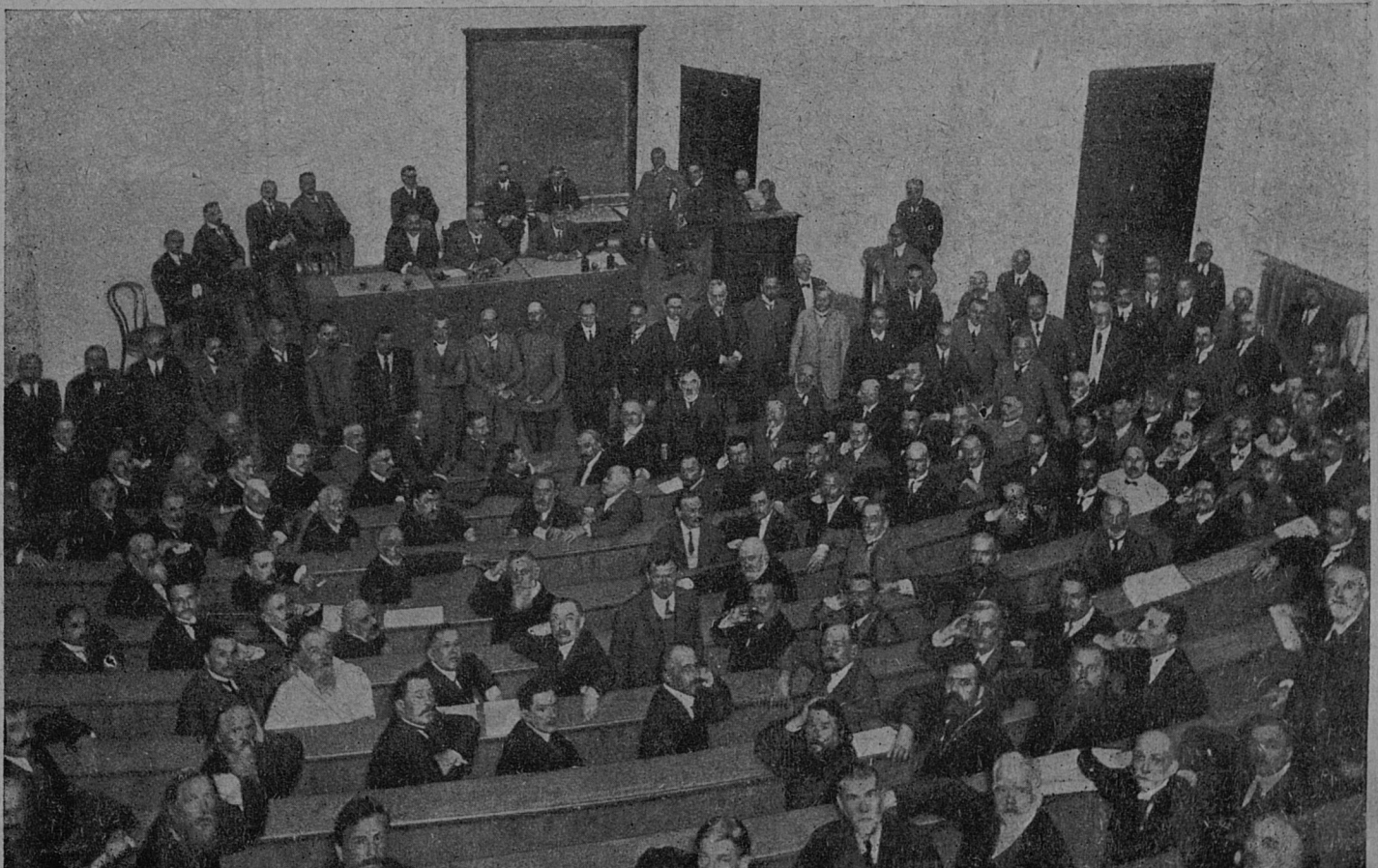
Зажегъ призывомъ свѣтъ во мглѣ

Въ исканьи солнца и свободы!..

Михайль Саенко.

Къ Государственному Совѣщанію въ Москвѣ 12-го августа 1917 г.

По фотографіи для «Огонька» Л. Леонидова.

Члены Государственной Думы 4-хъ созывовъ на Государственномъ Совѣщаніи.

В. Михайлов
С. Евдокимов

БАРОНЕССА.

Разказъ А. ДАМАНСКОЙ

Иллюстрировалъ для журнала «Огонекъ» худ. М. РОШКОВСКІЙ

„...Пріѣхалъ маркизъ. Пріѣхалъ сэби...“

Ее нетерпѣливо ждали къ табль-доту. Дамы тщательно одѣлись, кокетливо причесались. Молодые люди — ихъ

было всего трое: молодой болѣзненный шведъ, русскій студентъ и итальянскій офицеръ были превосходно выбраны, приглашены, а старый въ бакенбардахъ англичанинъ надѣлъ черный сюртукъ. Поворачивалось при скрипѣ открывавшихся дверей нѣсколько головъ, первыѣ сжимались салфетки въ рукахъ. Хозяйка пансіона, некрасивая сухая женщина съ синими губами и глазами на выкатъ дѣлала значительное лицо.

Баронесса не шла... Кто-то изъ пансіонеровъ видѣлъ мелькомъ ея длинную траурную вуаль, тяжелый дорожный плащъ, кое-кто видѣлъ ея чемоданы и баулы, старые, кожаные, съ вытисненными на нихъ гербами... Ея самой никто еще не видѣлъ. Но всѣ знали отъ хозяйки, что она приходится родственницей герцогинѣ Пармекой, что мать ея носитъ громкое венгерское имя, а отецъ полуитальянецъ, полуавстриецъ, но въ немъ течетъ и русская кровь... Бабушка его была русская княгиня. Имя у него — гордое историческое, маркизъ Паллавичини. А мужъ? Мужъ — баронъ... Къ его имени добавлять нечего было. Оно само говорило за себя. Каждый, читавшій газеты, встрѣчалъ эту фамилію наряду съ другими,

столь же великолѣпными, длинными, съ приставными слогами и апострофами, окружавшими дворъ Габсбурговъ... Русскій студентъ даже свистнулъ, когда выслушалъ отъ хозяйки пансіона эту родословную... «Saperlotte! Какъ же она сюда, въ шестифранковый пансіонъ, попала?..»

Хозяйка сдѣлала обиженное лицо. «Мой пансіонъ отмѣченъ въ лучшихъ путеводителяхъ, м-г. И у другихъ пансіонеровъ мелькнула эта мысль, но это были все люди гордые, знавшіе себя цѣну. И они не останавливались на этой мысли... Но чуть, чуть робѣя внутренне еще невиданной знатной баронессой, чувствовали себя польщенными ея обществомъ и благодарностью чувствовали къ хозяйкѣ, кормившей ихъ плохими, однообразными обѣдами, но сумѣвшей поднять свой пансіонъ на высоту, до которой нашла возможнымъ спуститься баронесса де-Берзевичи, урожденная маркиза Паллавичини...»

Ожиданіе, разочарованіе, вызвавшее чувство обиды, взвинчивало пансіонеровъ, голоса ихъ звучали нервнѣе, острѣе обычного. У кого срывалось раздражительное замѣчаніе, у кого блуждала на устахъ ласмѣшливая улыбка... И вдругъ, уже къ самому концу обѣда, когда вечеръ казалъ-

„...Любимые суги барона... — пояснила она не поднимая глазъ...“

ся испорченными, и пансионеры или молчали, или ядовито перешептывались парами, широко распахнулась дверь, и—вошла баронесса...

Смутная, черноволосая, со стройной дивичьей фигурой, с немолодым уже южно-романского типа лицом, на котором ярко горели два черных, как уголь, узких глаза... На ней не было ни бриллиантов, ни жемчуга, только черное отменно сшитое шелковое платье, но казалось, что она вся сверкает, играет и переливается... Сверкали глаза, зубы, улыбки, громкое имя... И всё тотчас и без усилия подтянулись, оживились, помолодели, и каждый невольно разгорался в звезду, достойную занимать место в созвездии светила...

Баронесса сразу овладела разговором. Она увлекательно, с добрым юмором описала свою поездку с острова Рюгена до Веве и, умилившись в разговор старого англичанина, двух скромных норвеженок, кичливую накрахмаленную коммерции советницу из Берлина, съезжую английскую суфражетку и молодых людей, не то внушала, не то подсказывала им удачные, мяткие ответы, и они улыбались и краснели от удовольствия, когда вспыхивали перед ними искры, выскоченные баронессой из их замкнутых, недвижимых, как глыбы души... Сдержанно, невзначай вкрапленными фразами баронесса осветила перед новыми знакомыми свое общественное и семейное положение, и причину ее появления в шестифранковом пансионе... Баронесса вечно в разговорах, по исподволь всему мира. Все герои Лоншампа и Дерби — его питомцы... Лошади его брали призы и в России, и она бдила с ним в Петроград и в Москву... Она очаровательно прокартавила «Невский проспект», «Москвская», улыбнулась русскому студенту, и он покраснел и одобрительно мотнул ей несколько раз головой...

... Но она устала от вечных разговоров, и здоровья ради баби,—ему пять лет, восхитительный баби,—она жила последний год на острове Рюген, и она, он ее обожает, жил вместе с нею... А таман... О, ее никакие силы земные с Триестом, с ее замком разлучить не в силах... Она в своем старом замке с семьей сына... А баронесса, он любит не только лошадей, он любит и своего баби и жеку (это было сказано о том, что все с ласковыми улыбками потянулись к ней: как тебя, такую не любить?), баронесса в краткие промежутки между скачками в Лиссабон, Париж, Лондон, Спа и Москву лета-

ет к ним с разных концов Европы...

Хозяйка, с усилием смахивая с своих синих губ набившие довольные улыбки, с серьезным достоинством, как человек привычный к знатному обществу, поддерживала разговор...

Понизив голос, предоставив пансионерам собраться с мыслями и внимательно разглядеть ее платье, баронесса заговорила с хозяйкой... Но все слышали о чем... Ей нужно пять комнат... Именно в таком пансионе, как эта милая «Вилла Аделаида»... Она так устала от больших отелей, от необходимости мыть туалеты четыре раза в день... И папа рад будет отдохнуть от жизни «большого света»...

Пять комнат!.. Хозяйка в ужасе всплеснула руками... У нее их нет. Всего две... Можно еще третью, крохотную,

— Очаровательно!
— Обворожительно!..
— И даже красивой назвать нельзя... замрите...
— Она лучше, чем красива... Она — прелестна...

Молодые женщины, опасаясь показаться ревнивыми, ревниво подкакивали молодым людям, постарше — вско и солидно цедили одобрительные слова... Русский студент радостно-недоумьно подергивал плечами, у большого красивого шведа ярким чахоточным блеском голубили глаза... Старый англичанин, смахивая пылинки с своего черного сюртука, повторил: *Jes, it's a lady!*

Хозяйка, лакомо дwigая синими губами, с торжеством озирала свою «публику»... Тихая, разбуженная жизнь в пансионе преобразилась и замутилась.

Баронесса приходила к табу-доту то раньше всех, то позже всех, никогда во-время, часто не приходила вовсе... Но всегда ее ждали с нетерпением, с волнением, в которое у иных из пансионеров влетало уже раздражение неразрешенной загадки.

Утром, днем, ночью приносили баронессе телеграммы, письма — экспресс, вызывали ее по телефону из Базеля, с пограничных с Германией городков, из Парижа... Содержание этих телеграмм, простых и срочных, и писем-экспресс никто не знал, но создавалось в доме настроение тревоги, напряженности, которое должно было чем-нибудь разрешиться... Многие уже нервничали, плохо спали, пылливо вглядывались в баронессу, часто разсвально не дослушивали ее мятких, острых шуток и внимательно глядели на тени под ее глазами, на глубокие бороздки у лба и у носа, — следы бессонных ночей или слез, пл... Последней догадки никто не рвался ни договорить, ни даже подумать... Только русский студент, который опять стал терять в себе, вернувшись однажды с своей обычной прогулки на полуденном солнце, возбужденно ворвался в контору, где хозяйка фабриковала счета для своих пансионеров, и выпалил:

— Saperlotte! Нет, вы представьте себя, где я сегодня видел баронессу... Догадываетесь? Нет? Ну, так я вам скажу... Я видел, как она выходила из кабачка «Rendez-Vous des cochers». Честное слово! И у нее горло лицо... Вот как этот мак... Она была пьяна... Честное слово... И я...

Он осел под колючим холодным взглядом хозяйки и опустился в кресло, словно его втиснули в сиденье кистепем по голове.

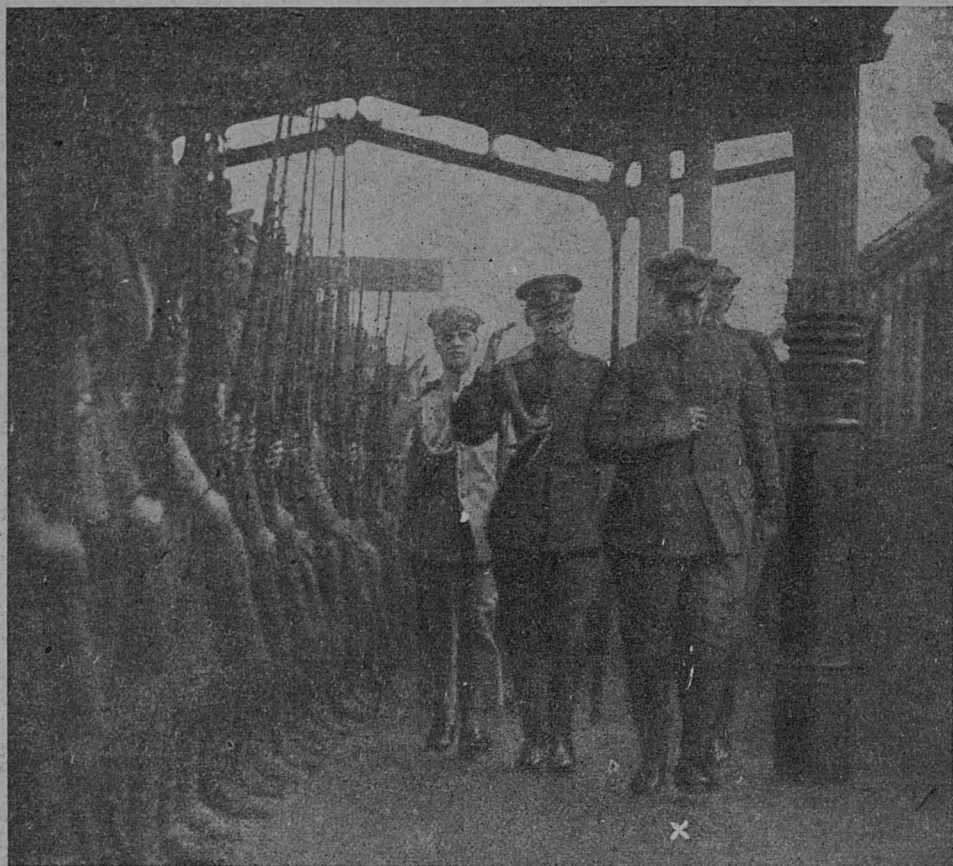
«...Широко распахнулась дверь, и вошла баронесса...»

полусветлую — она и предложить не посмеет баронессе... Но баронесса мотнула и схватила ее за руку... Нет, нет, она не будет искать другого пансиона — она останется, они потянутся... Из комнаты, которую ей отвели — такой чудесный вид на Савойский берег, на Грамонь... И этот балкон... При умении и желании можно на этом балконе устроить японский праздник...

Пансионеры подхватили ее шуточные слова и весело разсмьялись... Японский праздник на балконе, пять шагов в длину, четыре в ширину...

Баронесса встала.
— И какой еще японский праздник... Поживу здесь, увидите...

В одну сторону улыбка, в другую приветливый взгляд, кому больше долгое пожатие руки, кому ласковая шутка... И шуруша шедшем, играя, переливаясь и смеясь, престилась и ушла.

Прибытіе министра-предсѣдателя А. Ф. Керенскаго въ Москву на Государственное Совѣщаніе.

Прибывшій въ 11½ час. утра въ Москву, А. Ф. Керенскій былъ встрѣченъ весьма торжественно. На перронѣ выстроились юнкера выпускныхъ курсовъ московскихъ военныхъ училищъ съ оркестромъ музыки. На правомъ флангѣ отдѣльно выстроилась депутація отъ Украинскаго полка съ хлѣбомъ-солью. А. Ф. Керенскій обратился къ юнкерамъ съ рѣчью и поздравилъ ихъ съ производствомъ въ первый офицерскій чинъ. Представители украинскаго полка, приветствуя А. Ф. Керенскаго, заявили, что украинскіе полки будутъ защищать свободу Россіи. А. Ф. Керенскій, отвѣчая имъ, сказалъ, что Временное Правительство съ полнымъ сочувствіемъ относится къ широкой автономіи Украины. Утѣшенію украинцевъ и другихъ народностей положенъ предѣлъ. Великороссы и украинцы — братья по крови и вмѣстѣ должны ковать свободу и счастье общей матери-Россіи. Оркестры заиграли Марсельезу. Сопровождаемый громкими криками «ура», А. Ф. Керенскій выѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ.

Фотографія по порученію «Огонька» Петра Оцуца.

— Вы съ ума сошли! — тихо зашипѣли синія губы. — И вы еще станете рассказывать эту чушь другимъ пансіонерамъ... Какъ вы могли!? Баронесса!.. Я знаю, и она ни отъ кого не скрываетъ, что ходитъ въ этотъ ресторанчикъ... Тамъ — дѣвочка, ровесница ея мальчика, которая плѣнила ее... Она случайно увидела ее на улицѣ... Она осыпаетъ ихъ подарками... А вы? Я... я... право, вамъ удивляюсь...

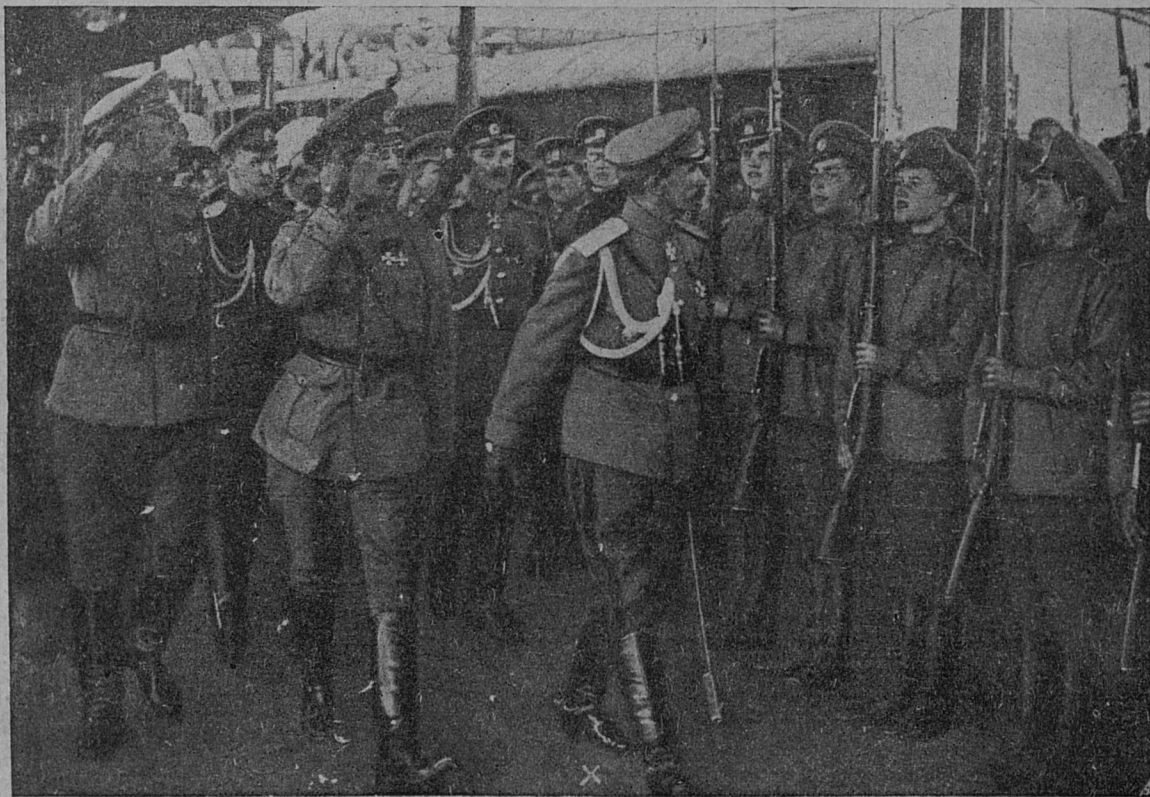
Студентъ, растерянно извиняясь и что-то лепеча непонятное, пятясь назадъ, выскользнулъ изъ конторы.

Хозяйка, качая головой, смотрѣла ему вслѣдъ, потомъ вынула изъ ящика счетъ баронессы Берзегичи и переписала его на другой бланкъ. Въ итогѣ получила сумму вдвое больше, чѣмъ на первомъ листѣ. Она одобрительно мигнула себѣ въ узкое простѣлочное зеркало, вложила счетъ въ конвертъ съ изобра-

— Да есть-ли у нея въ самомъ дѣлѣ отецъ, мужъ, ребенокъ? — стали поговаривать межъ собою пожилыя дамы. — Отчего никто не ѣдетъ? Комнаты она удержала какъ-будто... И эти телеграммы, срочныя письма... И то весела, то забирается на два дня, то летитъ въ Лозанну... Гдѣ-то тамъ ночуетъ... Знаете, тутъ что-то не чисто...

Онѣ не успѣли, впрочемъ, ни обсудить толкомъ свои предположенія, ни высказать ихъ хозяйкѣ. Въ домѣ поднялась суета. Получилась телеграмма, срочная, извѣщавшая о пріѣздѣ маркиза съ внукомъ и бонной, няню за неимѣніемъ въ пансіонѣ мѣста отправили въ Триестъ, и вслѣдъ за этой телеграммой позно ночью вторая телеграмма, въ которой маркизъ сообщилъ, что бонна отравилась, и онѣ ѣдутъ со внукомъ одинѣ...

Баронесса въ магазины, на телеграфъ, къ телефону, неслать вверхъ и внизъ по лѣстницѣ и окружила себя тройнымъ кольцомъ раздѣлявшихъ ея тревоги пансіонеровъ. Въ первомъ кольцѣ были пансіонеры, уже пользовавшіеся ея полнымъ довѣріемъ, эти ходили съ значительными лицами, какъ люди, переполненные до краевъ чужой и важной тайны, во второмъ кольцѣ были знавшіе что-то, но еще не все, и въ третьемъ деликатные, сочувственно ей улыбавшіеся, ловившіе ея грустные взгляды и безъ словъ, мимикой подбадривавшіе ее: «Ничего... перемелется... Все хорошо будетъ...» И никто ни въ первомъ, ни во второмъ, ни въ третьемъ кольцѣ не зналъ толкомъ въ чемъ дѣло... Почему эти прилетающія одна за другой телеграммы, отчего такъ мучительно и долго собирается въ Вева старшій маркизъ, отчего не ѣдетъ баронѣ... Въсть о самоубійствѣ бонны застала ба-

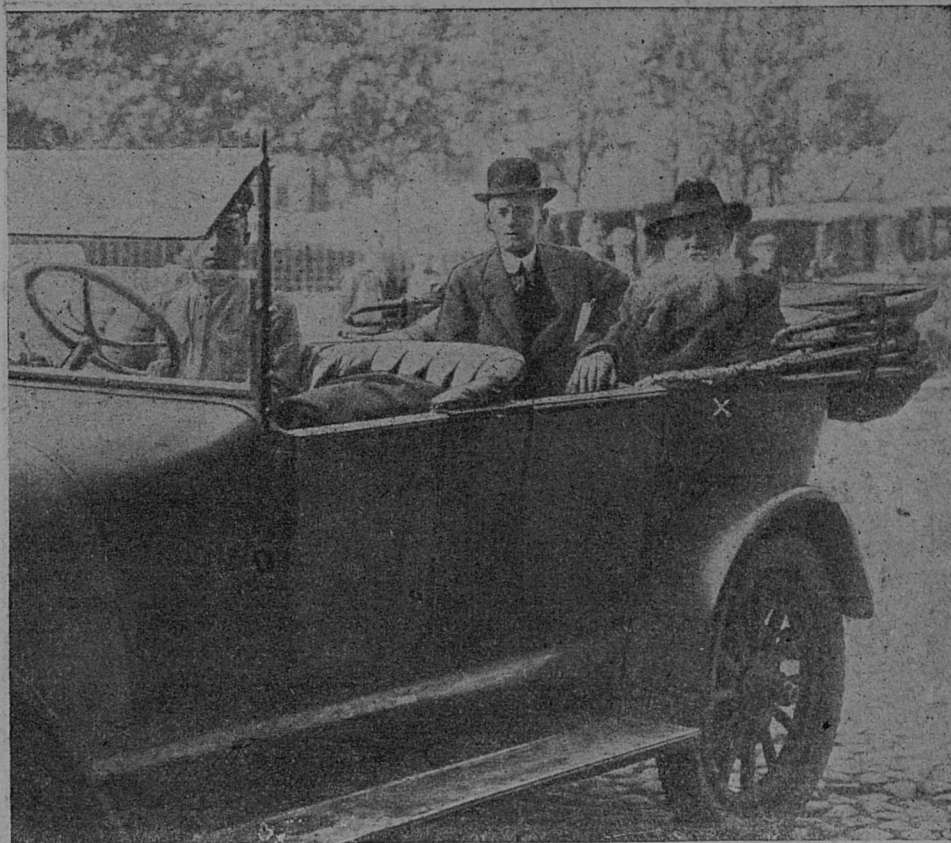
Верховный Главнокомандующій генераль-лейтенантъ Л. Г. Корниловъ (X) на дебарнадерѣ Александровскаго вонзала обходитъ фронтъ женскаго батальона смерти.

На вокзалѣ генералъ Корниловъ былъ встрѣченъ командующимъ войсками московскаго округа генераломъ Верхововскимъ, генералами Алексѣевымъ и Калединымъ, Ф. И. Родичевымъ, представителемъ французской арміи подполковникомъ Каюо, депутаціями отъ частей, расположенныхъ въ Петроградѣ, и цѣлымъ рядомъ представителей: отъ союза бѣжавшихъ изъ плѣна, отъ казачьихъ войскъ, отъ женскихъ батальоновъ смерти и т. д. Отъ имени городской думы товарищъ городского головы поднесъ генералу Корнилову хлѣбъ-соль. Пріѣздъ генерала Корнилова по улицамъ Москвы сопровождался восторженными привѣтствіями со стороны народа. По фотографіи для «Огонька» В. Быстрова.

ронессу въ гостиной... Она не побѣдѣла, не вскрикнула, только жутко и радостно сверкнули у нея глаза, и она поспѣшила прикрыть ихъ рѣсницами и словами, какія нужны были въ этомъ случаѣ и прозвучали естественно... Бѣдная!.. Она, впрочемъ, этого ждала... Вѣчно новое... Голубой гусарь, и колечко съ бирюзой... И, ахъ, измѣна... Бѣдная дурочка!.. Она ушла къ себѣ наверхъ, и на слѣдующій день коммерціи совѣтница недовольно косясь за кофе на хозяйку, сообщила англійской суффражеткѣ, что она всю ночь не спала... У баронессы, вѣроятно, была истерика, она слышала хотеть изъ ея комнаты... Англичанка старательно накладывала мармеладъ на тартинку съ масломъ и молчала... И хозяйка видѣла по ея непроницаемой серьезности, что она знаетъ о пустыхъ бутылкахъ, которыя горничная выносятъ по утрамъ изъ комнаты баронессы...

Приѣхалъ маркизъ. Бриѣхалъ бѣби... Маркизъ, свѣжій, улыбающійся, бодрый старикъ съ гладкимъ породистымъ лицомъ, ходилъ, подпрыгивая колѣнями, — служилъ въ кавалеріи, мужчины тотчасъ угадали, — щелкалъ лакированными ботинками, какъ штиблетами въ шпорахъ, прикладывался къ дамскимъ ручкамъ, смѣялся, балагурилъ, рассказывалъ анекдоты и плѣнялъ, и плѣнялъ, и плѣнялъ... Бѣба, бѣлокурый, свѣтлоглазый, хорошенькій грустный мальчикъ.

— Двѣ капли отецъ—говорила безъ устали баронесса—въ первый же день побывалъ у всѣхъ дамъ на рукахъ, ѣздилъ въ Китай и къ папа на колѣняхъ мужчинъ, получилъ шоколадъ, орѣхи, мармеладъ, сушеные бананы и пирожное въ земляникѣ, а къ вечеру лежалъ въ большой кровати въ крохотной съ окномъ въ крышѣ комнатѣ, той самой, которую хозяйка не смѣла предложить баронессѣ, и жалобно звалъ «Анни... Анни»... — Это была его бонна, которая отравилась... Но хозяйка, согрѣвшая ему животикъ горячими салфетками, узнала изъ его толковыхъ, стройныхъ словъ, что она не отравилась, а не взяли ее въ красивое Веве,

П. А. Кропоткинъ на автомобильъ подъѣзжаетъ къ зданію Большого театра на Государственное Совѣщаніе.

въ наказаніе—она ужасная болтунья... Но онъ ее очень любитъ... Она ржетъ, какъ настоящая лошадь... Пала всегда смѣялся, и говорилъ: «Браво! браво, Анни... Тебѣ надо въ циркъ»...

Русскій студентъ—хозяйка уже намекала ему, что комната его удержана на лѣто однимъ датскимъ пасторомъ еще въ прошломъ году—ну, этотъ русскій студентъ поѣхалъ съ маркизомъ въ Лозанну... Какое вино, и сколько они тамъ вы-

пили, онъ не рассказывалъ, но признанія маркиза онъ подѣлился по секрету съ старшей изъ двухъ норвеженокъ, ему нравились ея сѣрые глаза. А она невольно, проговорила о нихъ въ разговорѣ съ берлинской дамой, когда онъ заспорилъ объ Ибсенѣ, и вскорѣ въ пансіонѣ уже знали почти всѣ:—маркизъ давно уже не жилъ вмѣстѣ съ своей женой. Замка у нихъ давно уже нѣтъ... Маркиза, правда, приходится родней герцогинѣ Шармской,

Представители науки на Государственномъ Совѣщаніи: проф. Бехтеревъ (1), проф. Брандтъ (2) и П. А. Морозовъ (3).

Академическая группа засѣдала весь день 13-го августа. На обсужденіе группы было предложено два проекта резолюціи: петроградскій и московскій. Петроградскій проектъ резолюціи былъ предложенъ проф. Брандтомъ, отъ имени делегации высшихъ учебныхъ заведеній гор. Петрограда. Проектъ этотъ заключалъ прежде всего выраженіе довѣрія Времен-

ному Правительству и указанія на тѣ мѣры, которыя необходимы, по мнѣнію представителей науки, для спасенія отечества. Послѣ долгихъ преній рѣшено было положить въ основу резолюціи, которая будетъ оглашена отъ имени представителей науки Государственному Совѣщанію, московскій проектъ, съ внесеніемъ указанія, что представители науки

выражаютъ довѣріе Временному Правительству при условіи, если послѣднее проведетъ рядъ положительныхъ мѣръ, причѣмъ эти мѣры будутъ замѣстованы изъ деклараціи членовъ Правительства, которая была сдѣлана на засѣданіи 12-го августа.

Представители союзныхъ государствъ, дипломаты и военные, присутствовавшіе на Государственномъ Совѣщаніи.

По фотографіи для «Огонька» московскаго корреспондента Л. Леонидова

но это не мѣшаетъ ей сдавать комнаты со столомъ въ паемной квартирѣ въ Триестѣ, а баронъ... Когда дошло до барона, маркизъ стукнулъ кулакомъ по столу и мрачно предложилъ вернуться домой...

Баронесса получила изъ Парижа огромный ящикъ съ платьями, манто, шляпками, перьями... Маркизъ отчего-то усиленно моргалъ глазами въ этотъ день, а баронессу кто-то видѣлъ въ коридорѣ съ заплаканнымъ лицомъ... Къ табльдоту она не пришла... Но спросила у горничной электрическую утюжку и цѣлый день во-

злалась въ своей комнатѣ... На слѣдующій вечеръ она пригласила къ себѣ дамъ показывать имъ обновы... Дорогія, прелестныя вещи—сомнѣнія не было, изъ первыхъ парижскихъ мастерскихъ... Но баронесса капризно жаловалась—какъ помято, и потомъ... ахъ, эти мужчины!—баронъ опять затерялъ ея послѣднюю мѣрку, и все не такъ... Одно широко, другое узко... И у нея дрожали пальцы, когда она перебирала нѣжные шелка, паутину кружевъ... Отъ нихъ шелъ крѣпкій, щекотавшій ноздри запахъ духовъ...

— Любимые духи барона...—поясняла она тихо, не поднимая глазъ.

Когда норвеженки вошли въ свою комнату, старшая съ мечтательными сѣрыми глазами, прижалась головой къ плечу младшей румяной сестры и сказала: какъ мнѣ ее жаль...

Младшая сочувственно повела головой.

— Бѣдная, все съ чужого плеча...

Пансіонеры, дамы и мужчины, подтѣмъ или инымъ предлогомъ оттягивали свое пребываніе на «Виллѣ Аделаида». Хозяйка не церемонилась съ ними, и никто съ нею въ объясненія не вступалъ. Всѣ понимали, что она никого не пытается удержать и что у нея одна большая забота какая-то, въ которой всѣ прегензіи и замѣчанія пансіонеровъ растворялись, какъ соль въ водѣ. И никто не догадывался, что забота эта была—все возрастающій долгъ по счетамъ баронессы, маркиза, бэби, нанятой для него въ Лозаннѣ бонны. Долгъ въ нѣсколько тысячъ франковъ. Со дня пріѣзда баронесса не заплатила ни одного су, въ магазинахъ набирала въ долгъ, въ кондитерскихъ, въ цвѣточныхъ, въ игрушечныхъ лавкахъ—въ долгъ. Ей оказывали неограниченный кредитъ; ея визитнымъ съ гербами карточкамъ, ея тону, ея манерамъ свѣтской дамы, ея дорогимъ парижскимъ туалетамъ... И хозяйкѣ «Виллы Аделаиды» звонили изъ Веве, Монтре, изъ Лозанны: отчего баронесса не платитъ по счетамъ? Отвѣчаетъ-ли за нее «Вилла Аделаида»? Баронесса-ли она? Не принять-ли какихъ-либо мѣръ, пока не поздно?..

И хозяйка отвѣчала синими губами и по телефону, сухимъ, высокимъ голосомъ, и письменно,—что ждуть со дня на день барона. Баронъ пріѣдетъ... il reglera tout... Онъ все уладитъ... И все плотнѣе, крѣпче затягивался узелъ тайны, и пансіонеры не находили въ себѣ рѣшимости уѣзжать, пока этотъ узелъ не будетъ распутанъ... Баронесса всемъ стала близкой. Ее жалѣли, ей не вѣрили, ее слушали съ вод-

Зданіе Большаго театра въ Москвѣ, гдѣ происходило Государственное Совѣщаніе.

По фотографіи для «Огонька» В. Быстрова

пениемъ, какъ слушаютъ сказку, ее презирали, къ ней тянулись и за нею ухаживали... Она была живымъ романомъ, и каждая страница—ошеломляющей неожиданностью... Русскій студентъ уже давно не разговаривалъ съ красивымъ шведомъ, и голубые глаза шведа неотступно, какъ лучи-высѣживатели, не отрывались отъ баронессы. При каждомъ упоминаніи барона онъ вѣсхивалъ и поправлялъ въ галстухѣ булавку съ изображеніемъ Стокгольма, а женщины пѣжно и грустно улыбаются, глядя на него, и опускали глаза на свое шитье или вязанье.

Раннимъ утромъ, когда еще весь пансіонъ спалъ, загудѣлъ передъ виллой автомобиль, и къ десяти часамъ уже весь домъ долонъ былъ глухой тревоги. Баронь... баронь... баронь!.. Быстрые въ коридорахъ шаги, хлопающія двери, шо-

потъ, шелестъ, поминутные звонки... Имъ подали завтракъ наверхъ. Никто до вечера не показывался, только баби съ боцной сошли въ садъ. У баби были въ рукахъ новый хлыстикъ и бѣлый, пушистый медвѣдь...

Вечеромъ вся семья, торжественная, нарядная, сошла въ гостиную. Маркизь, спокойный, удовлетворенный, съ доснащимися румяными щеками, баронь,—вырѣзанная съ моднаго журнала фигурка,—свѣтлый, розовый, перетянутый, все въ цвѣтъ, все въ тонъ, надушенный, молчаливый, надменный.

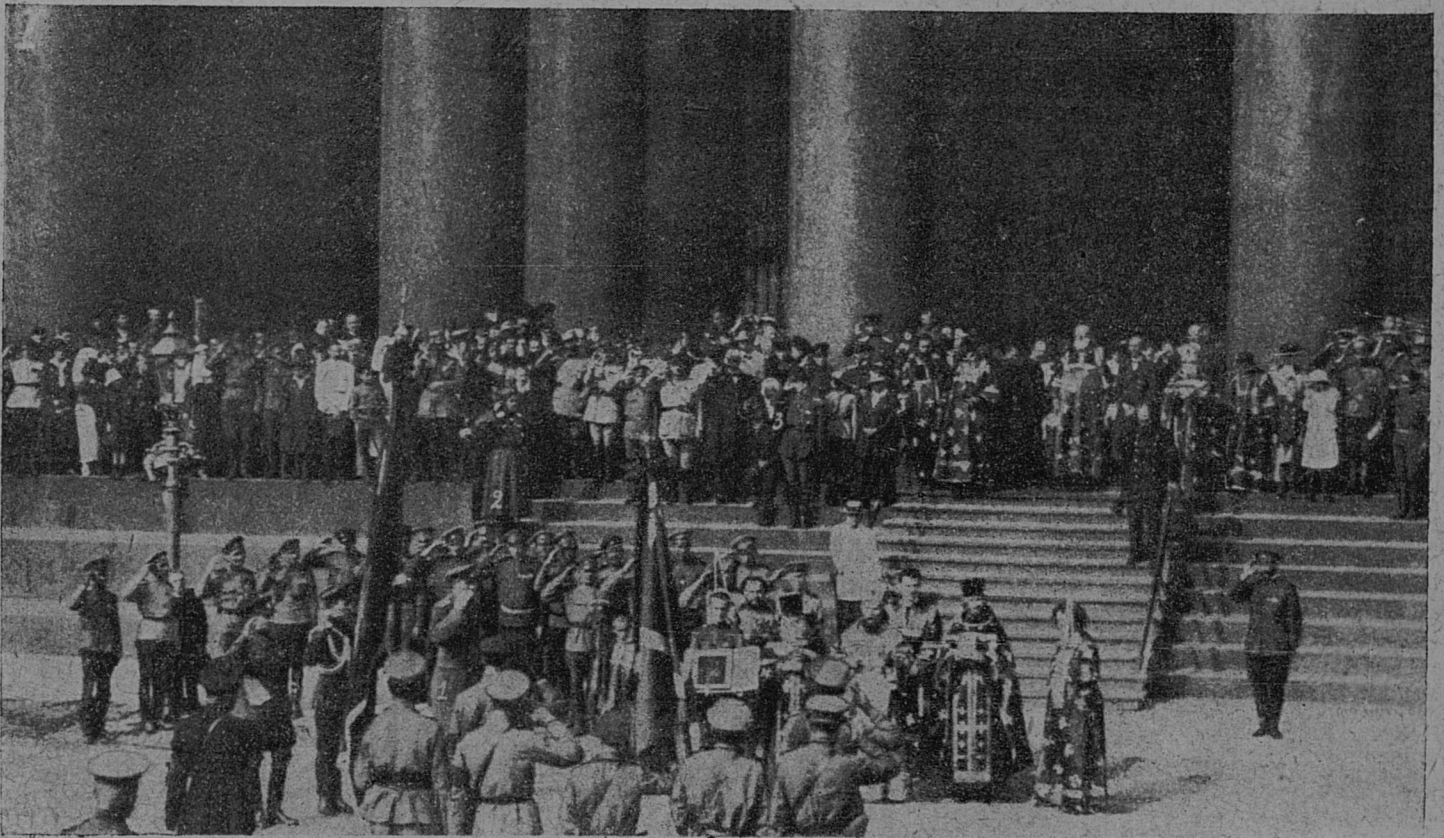
И баронесса... Она не замѣчала изумленныхъ взглядовъ пансіонеровъ... Она ничего не замѣчала, ничего не видѣла... Отвѣчала тихо, какъ во снѣ... Она была въ простомъ, синемъ, гладкомъ, молодившемъ ее платѣ, котораго никто еще не видѣлъ на ней, и смотрѣла недвижными

глазами, влажными, восторженными глазами въ одну точку... И голова ея поворачивалась, какъ у сомнабулы туда, куда оборачивался, куда пересаживался, переходилъ, или куда смотрѣлъ баронь... Когда онъ обращался къ ней, она вспыхивала, вздрагивала и вытягивалась, какъ струна... Она звала его не по имени, а «баронь»... И произносила слово медленно, пѣвуче, будто упиваясь каждымъ его звукомъ.

Въ маленькой, заставленной безвкуснымъ хламомъ конторѣ, хозяйка разсказывала прѣхавшей къ ней со счетами сестрѣ: «Семейка!... Понимаешь, весь этотъ тонъ и шикъ, все это оплачивается его любовницей... Придворной дамой... И ребенокъ не баронессы вовсе, а той... А баронесса и маркизь прикрываютъ грѣхъ, и за это ихъ кормятъ и поятъ... И всѣ туалеты—той уже любовницей по-

Освященіе знамени II-го Ударнаго Батальона въ Петроградѣ.

По фотографіямъ для «Огонька» А. Поповскаго.

I. Присяга батальона новому знамени послѣ освященія (справа—повое батальонное знамя, слѣва—знамя георгиевскихъ кавалеровъ). 1) главнокомандующій войсками петроградскаго военнаго округа ген. Васильковскій, 2) б. главнокомандующій войсками петр. воен. округа ген. Половцевъ, 3) Е. К. Брешко-Брешковская. Въ пространствѣ, у колоннъ, между ген. Половцевымъ и Е. К. Брешко-Брешковской—дипломатическіе и военные представители союзныхъ государствъ. **II. Петроградскій митрополитъ Веніаминъ, въ сопровожденіи ген. Васильковскаго (X) окропляетъ выстроившійся батальонъ св. водою.** Освященіе знамени состоялось 21-го августа

на Псаакіевской площади. Молебствіе было совершено петроградскимъ митрополитомъ Веніаминъ. Послѣ акта освященія, повое знамя было вручено командиру батальона главнокомандующимъ войсками петроградскаго военнаго округа генераломъ Васильковскимъ. «Бабушка русской революціи» Е. К. Брешко - Брешковская благословила батальонъ на высокій подвигъ самоотверженнаго служенія родинѣ. (Въ номерѣ 32-мъ «Огонька» былъ уже воспроизведенъ цѣлый рядъ снимковъ изъ жизни этого замѣчательнаго батальона, почти исключительно состоящаго изъ увѣчныхъ георгиевскихъ кавалеровъ).

шенные... Только это на ней синее, еще старое, дѣвичье... Это называется—большой свѣтъ... Короны, гербы, герцогиня Пармская!.. А баронесса эта пьетъ, какъ старый бригадиръ, и что попадетъ—вино, коньякъ, абсентъ... И теряетъ головныя шпильки въ комнату шведа»...

Сестра, кругобедрая лавочница изъ Мудона, заглянула сквозь щелку въ смежную гостиную и прошептала:

— Какъ она не него смотреть!..

Она опять приняла къ щелкѣ однимъ глазомъ...

Баронесса дрожащей рукой протягивала барону чашечку съ кофе... Она смотрѣла на него, полураскрывъ ротъ, широкими глазами, словно юная, чистая дѣвушка, въ первый разъ ощутившая въ

вали два офицера—подпоручикъ Мунтянь и прапорщикъ Волковъ. Палатка была очень низка, и оба они пили чай изъ жестяныхъ кружекъ, лежа на боку.

Мунтянь былъ сухой, смуглый и черноволосый человекъ, цыганъ по происхожденію, съ тяжеловатыми, малоподвижными чертами лица. Въ волосахъ у него уже сіяли серебряныя нити. И во всей внѣшности его и въ черныхъ, хищныхъ и страшныхъ глазахъ съ красными жллками по желтоватымъ бѣлкамъ было что-то такое таинственное и гипнотизирующее, что Волкову, глядя на него, становилось нѣсколько неловко и жутко.

Внѣшность Волкова, напротивъ, была самой заурядной внѣшностью средняго русскаго интеллигента: очень чистое, про-

ибо Мунтянь отвѣчалъ очень твердо и убѣжденно.

— А по моему, предчувствіе—одно изъ послѣднихъ чувствъ. Оно чувство будущаго. Чѣмъ утонченнѣе, чѣмъ развитѣе внутренняя жизнь чевѣка, тѣмъ реальнѣе оно для него, тѣмъ законнѣе.

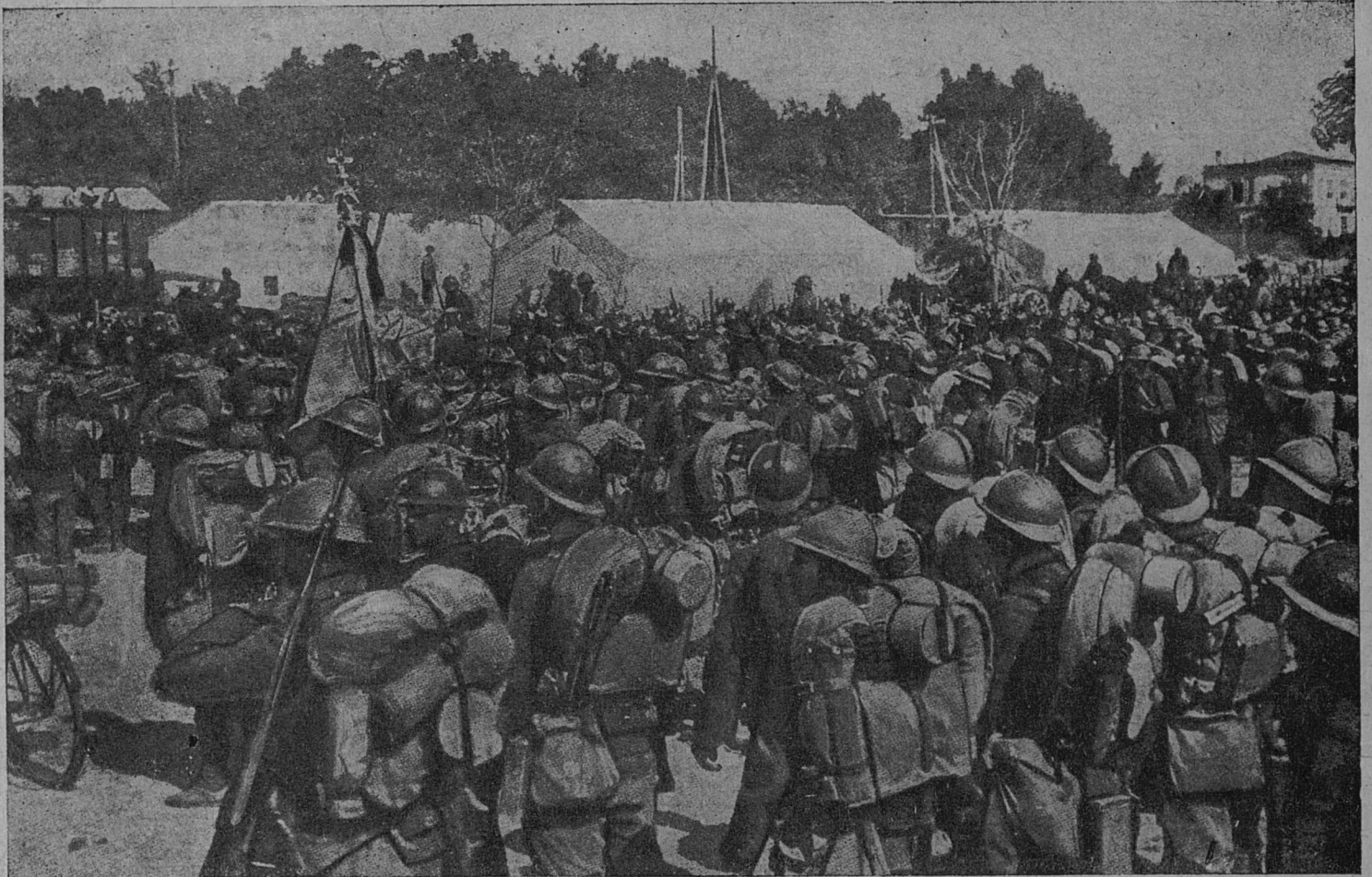
— Хм... Деревенскія бабы тоже вѣрятъ въ предчувствіе...

Но Мунтянь блеснулъ на него своими магнетическими глазами со скрытымъ холоднымъ раздраженіемъ.

— Это только доказываетъ законность его существованія. Интеллигентный человекъ порой выдумываетъ чувства. А у деревенской бабы, если вы указываете на нее, потому что она—существо, стоящее на низшей ступени, т. е. близкое къ жи-

На македонскомъ фронтѣ.

По фотографіи „The Illustrated London News“.

Врученіе знаменъ греческимъ войскамъ національной обороны, отправляющимся на салонинскій фронтъ для активнаго участія въ бояхъ противъ германо-болгаръ.

воемъ сердцѣ великую вѣсть грядущей любви... И была въ этотъ мигъ тихая, молодая, стыдливая безъ морщинъ, безъ тѣней у глазъ и лучилась, какъ синей ночью серебряная звѣзда...

— Какъ она любить его!—со вздохомъ проговорила лавочница и, согнувъ лѣвую бровь, медленно вынула изъ сумки ворохъ счетовъ...

А. Даманская.

ПРЕДЧУВСТВІЕ

Разсказъ Антона Амнуэль

I.

Въ палаткѣ, сдѣланной изъ трехъ солдатскихъ полотнищъ и кое-какъ прикрѣпленной къ толстымъ сукамъ дуба, подъ которымъ она была разбита, разговари-

долговатое лицо, голубые глаза, нѣсколько насмѣшливые и близорукіе, отросшіе бѣлокѣрые волосы и рѣдкая растрепанная бородка. А на носу косо сидѣло пенсне.

— Въ предчувствіе нельзя не вѣрить, — говорилъ Мунтянь, слегка гортаннымъ голосомъ, выдѣляя «э». — Оно такъ же реально, какъ и всякое другое чувство, какъ чувство гнѣва, обиды или печали, только смотрятъ на него пренебрежительно, и оно какъ бы въ загонѣ. Оно—точно нелюбимое дитя въ большой семьѣ.

— Значить, есть причина этой нелюбви, — сказалъ Волковъ впрямую.

— Причина? Причина извѣстный интеллигентскій предрасудокъ, который говоритъ, что предчувствіе—выдумка или суевѣріе, или психозъ.

— А по вашему? — спросилъ Волковъ, стараясь придать лицу ироническое выраженіе. Но оно тотчасъ же прѣпало,

вотному, оно непосредственно, отприродно и вѣрно, какъ инстинктъ у собаки.

Волковъ, показывая, что онъ не хочетъ спорить, поджалъ губы и легъ, вытянувшись на спинѣ. Мунтянь отпилъ изъ кружки чая и продолжалъ:

— Я даже думаю, что изъ чувствъ, изъ этой таинственной и темной области, плохо поддающейся анализу и какъ бы лишенной логики, предчувствіе — самое мудрое чувство. Это, какъ бы сказать, разумъ инстинкта, его сознание, только не проконтролированное. Это—проникновенная догадка души. Своимъ таинственнымъ разумомъ душа учитываетъ разныя условія жизни и обстоятельства момента, на который гордый умъ не хочетъ обращать вниманія, какъ профессоръ на домашнія средства, и приходитъ къ выводу, что вамъ грозитъ опасность. И настойчиво говоритъ объ этомъ, толкаетъ. Но ея языкъ—чужой намъ языкъ, и мы не по-

нимаемъ его, а только смутно угадываемъ... И то только тогда, когда прислушиваемся.

Волковъ все молчалъ, пуская дымъ изъ самофьльной папиросы. Мунтянъ приподнялся и сѣлъ.

— Я, напримѣръ, въ тотъ день, когда меня ранили, началъ это съ утра чувствовать.

Онъ неторопливо, точно издѣваясь надъ молчавшимъ Волковымъ, и со всеми подробностями сталъ рассказывать исторію своего раненія. А потомъ, помолчавъ и передохнувъ, добавилъ:

— Я и теперь чувствую, что въ первомъ же бою меня ранятъ.

— А я вотъ ничего не чувствую, — сердито отозвался, наконецъ, прапорщикъ. — И вообще все это — ерунда, бабство...

По крѣпкимъ губамъ Мунтяна, подъ черными усами вспыхнула скользящая, змѣйная улыбка, едва обнажившая зубы. Но онъ уже ничего не сказалъ, а сталъ укладываться спать.

II.

— Ваше благородіе, взгляните...

— Ну? — Волковъ повернулся. Ротный писарь, сидѣвшій около него на землѣ съ какими-то бумажками и письмами, протянулъ ему конвертикъ. Волковъ машинально посмотрѣлъ адресъ и вынулъ бумажку письма и маленькую фотографическую карточку. На карточкѣ былъ бравый, нѣсколько полноватый солдатъ, круглолицый, съ большими холеными усами, похожий на швейцара. Это лицо, такое ординарное, нѣсколько грубоватое отъ слишкомъ спокойнаго и самоувѣреннаго выраженія, показалось Волкову знако-

мымъ. Но не вспомнивъ, кто это — такой, онъ сталъ читать письмо.

На небольшой бумажкѣ съ неровными краями, кривымъ и неустойчивымъ почеркомъ малограмотнаго человѣка, но съ завитками и росчерками карандашомъ было написано:

«Уважаемая, Паша! Это письмо пишу я вамъ у послѣдней расы. Вы его получите, только мене не станеть на этомъ блѣдомъ свете. Такъ я про себя преч... (тутъ было зачеркнуто) префѣчувствую. Такъ на серци больно ну только я успокоенъ и такъ думаю что этого не минуешь и Господь велить. Сейчасъ идемъ у наступленіе. Помяните меня когда ни то. Извѣстный вамъ ефрейторъ...».

А внизу послѣ подписи была приписка:

«Сердечно прошу дорогихъ товарищей кто его письмо найдемъ припрофодить его по адристу...».

Волковъ положилъ письмо на колѣни и посмотрѣлъ на писаря, чувствуя, что въ немъ поднимается какое-то нудное и вязкое ощущеніе, отъ котораго противно слабнуть руки.

— Кто это написалъ? — спросилъ онъ.

— Ершевъ, ефрейторъ. Отдѣленнымъ былъ во второмъ взводѣ.

— Ну, и что же. Дѣйствительно убитъ?..

Спрашивая, онъ почувствовалъ, что губы у него кривятся въ неестественной и неприятной улыбкѣ. И то короткое мгновеніе, которое прошло до отвѣта, было наполнено мучительнымъ, истомляющимъ чувствомъ.

— Такъ точно, — спокойно и, какъ показалось Волкову, съ противной и веселой охотностью отвѣтилъ писарь. —

Убитъ восьмого прямо въ лобъ. На немъ и письмо нашли.

— А письмо когда написано?..

— Тоже восьмого, передъ наступленіемъ.

Волкову вспомнился вчерашній разговоръ съ Мунтяномъ. И сейчасъ же какой-то голосъ подсказалъ, что не слѣдуетъ придавать этому случаю значенія, а надо скорѣе найти объясненіе и тогда опять вернется прежнія спокойствіе и равновѣсіе.

— Ерунда, — сердито бросилъ онъ, поднимаясь. — Случайное совпаденіе.

Онъ отошелъ отъ писаря и, повернувшись, увидалъ Мунтяна. Тотъ шелъ къ нему навстрѣчу, легко опираясь на палку.

— Испортили вы мнѣ настроеніе своими вчерашними разговорами, — улыбаясь, сказалъ онъ Мунтяну.

Но тотчасъ же, поддаваясь, какъ потомъ подумалось ему, глупому, ненужному и озорному, какъ у мальчишки, желанію, рассказалъ ему о только что прочитанномъ письмѣ. Этимъ онъ думалъ бросить вызовъ, показать, что даже знаи такой случай, не поддается и не убѣжденъ. Но Мунтянъ не поинтересовался письмомъ и промолчалъ.

И Волкову это пренебрежительное молчаніе принесло только досадное и обидное раздраженіе и чувство раскаянія.

III.

Черезъ нѣсколько дней подъ вечеръ полкъ пошелъ на позиціи. Пока шли, совсѣмъ стемнѣло. Три первые батальона прошли впередъ, а четвертый, въ которомъ былъ Волковъ, назначили занять резервную линію.

Въ тишинѣ входили, точно тѣни, въ

На фронтѣ нашихъ доблестныхъ союзниковъ — англичанъ.

Рисунокъ англійскаго художника Ф. Матаніа („The Sphere“).

Англійскіе кавалеристы застигаютъ врасплохъ германскихъ самонатчиковъ, вступившихъ въ мирное французское селеніе и принявшихъ уже было жечь и грабить дома.

окопы, переговаривались осторожным шепотом, и, если звякаль котелокъ, то казалось, что все кругомъ гремитъ. Осторожно поругивались. А изъ окоповъ выходили усталые люди, они медленно двигались, нехотя отвѣчали на вопросы.

Волковъ, какъ всегда дѣловито и спокойно отдавалъ приказанія, обходилъ

взводы. Но когда все кончилось и утихло, и онъ съѣлъ въ землянку, гдѣ уже лежалъ Мунтянъ, стало почему-то безпокойно.

— Ну, какъ?—спросилъ его Мунтянъ.—Спокойно?..

— Говорять, спокойно.

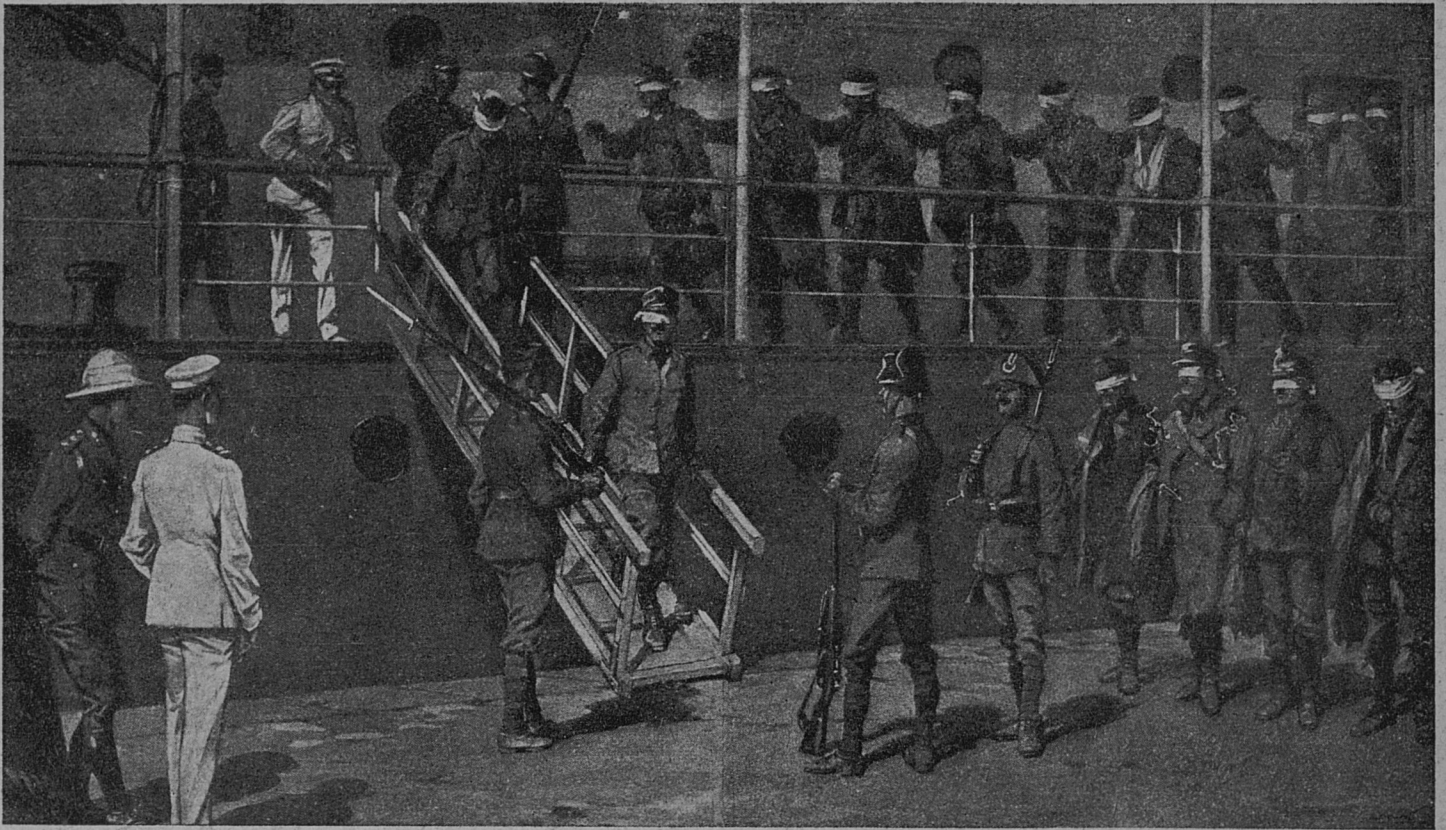
Но Мунтянъ только вздохнулъ и сказалъ покорно:

— Все равно...

Волковъ понялъ. Мунтянъ говорить о томъ, что все равно будетъ раненъ, но промолчалъ и закурилъ, сердито чиркнувъ спичкой. Онъ задремалъ чуткой дремой и проснулся только тогда, когда разсвѣтало. Ежась отъ утренняго холода, вышелъ и поднялся на ступеньки посмотрѣть позиціи.

На фронтѣ нашихъ доблестныхъ союзниковъ—итальянцевъ.

Рисунки англійскаго художника („The Illustrated London News“).

Взятые въ плѣнъ австро-венгерцы съ завязанными глазами высаживаются въ одномъ изъ итальянскихъ портовъ.

Эта разумная мѣра предосторожности, согласно приказу итальянскаго высшаго командованія, въ послѣднее время примѣняется по отношенію ко всѣмъ плѣннымъ австрійцамъ, высаживающимся въ итальянскихъ портахъ.

Итальянцы изобрѣли остроумное средство борьбы противъ австрійскихъ газовыхъ атакъ. Они держатъ наготовѣ накаленные жаровни и при первыхъ признакахъ близости газовой атаки разводятъ газы, нейтрализующіе дѣйствія непріятельскихъ газовъ. Въ противоположность австрійскимъ—чернымъ, итальянскіе газы—бѣлые. Изъ-за прикрытія этой дымовой завѣсы итальянская артиллерія разрушаетъ непріятельскія позиціи, лишь только отсюда начинаютъ предательски ползти черныя тучи смертоносныхъ газовъ.

Воздух был хрустально ясный, прозрачный. Слева медленно разливалась широкая оранжевая полоса зари, небо мягко свѣтилось, точно тонкое зеленоватое стекло. Хорошо пахло влажной травой. Сквозь кустарник Волковъ увидалъ паутину неприятельскихъ проволочныхъ заграждений и змѣистыя полосы окоповъ.

— Позиція тутъ спокойная, — тотчасъ же оцѣнилъ онъ. — Придѣла по ней не будетъ. Развѣ только случайный огонь...

Онъ стоялъ, глубоко дыша, и чувствовалъ, какъ ему хорошо и спокойно. И было кругомъ такъ тихо и свѣтло, что казалось ему, будто и самъ онъ весь призрачный.

— Ну, что же? — спросилъ онъ себя, прислушиваясь къ своему внутреннему состоянію и тотчасъ же отвѣтилъ:

— Ничего. Хорошо и спокойно.

обыкновенный. «Ахали» по батареямъ. Однако приготовиться приказали.

— Все-таки «онъ» наступать не будетъ, — сказалъ Мунтянъ, прочитавъ записку батальоннаго командира.

— Конечно, не будетъ, — согласился Волковъ и подумалъ:

— Отчего же страхъ? А развѣ онъ есть? Что-то есть, — не страхъ, а что-то другое. Но это мучительнѣе и больнѣе.

Преодолевая это чувство, онъ вышелъ изъ землянки и прошелъ по окопамъ. Было очень свѣтло, солнечно. Солдаты въ мѣшкахъ сидѣли по мѣстамъ, жевали хлѣбъ съ сахаромъ и переговаривались. Надъ головой время отъ времени гудѣли низкоголосые шмели, а сзади окоповъ взмахивали черныя султаны дыма и зем-

какъ дрогнула земля, но ничего не попялъ и не подумалъ.

— Прапорщикъ Волковъ, — сказалъ около него знакомый голосъ, но ему не хотѣлось подниматься, и онъ не отзывался, точно это такъ и надо, и это лучше. — Прапорщикъ Волковъ.

Съ трудомъ онъ поднялъ голову и увидалъ, что надъ нимъ наклонился Мунтянъ, и его лицо, съ этой змѣистой, торжествующей и насмѣшливой улыбкой, показалось ему страшнымъ. Рука у Мунтяна была перевязана розовымъ бинтомъ, кровь матово блестяла на полѣ шинели.

— Прапорщикъ Волковъ, примите роту, я раненъ, — сказалъ Мунтянъ и повторилъ особеннымъ, значительнымъ тономъ. — Видите, я раненъ.

— Оставьте меня, пожалуйста, — вдругъ

На турецкомъ фронтѣ нашихъ доблестныхъ союзниковъ — англичанъ.

Рисунокъ англійскаго художника-корреспондента („The Sphere“).

Могучія англійскія танки атакуютъ непріятельскую позицію, искусно замаскированную пальмовыми деревьями.

Эти усовершенствованныя до послѣдняго предѣла смертоносныя и разрушительныя орудія производятъ впечатлѣніе жуткаго контраста на фонѣ восточнаго пейзажа.

И замѣтилъ, что не спокоенъ. Сначала ему показалось, что это смутное ощущеніе безпокойства только отъ холода и неудобнаго лежанія. Онъ потянулся, но неловкость не прошла, а даже, какъ онъ со страхомъ замѣтилъ, стала рѣзче и определеннѣе. Онъ казался себѣ прозрачнымъ, но въ немъ, какъ въ сливѣ, пронзенной солнцемъ, видна косточка темнымъ пятномъ.

— Что это? Страхъ? — спросилъ онъ себя. — Нѣтъ, не страхъ, ибо бояться нечего, но все-таки похоже, будто страшно. Неужели это и есть предчувствіе? Вотъ ерунда...

Нервы напрягались... И когда неожиданно съ гулкимъ зунканьемъ гдѣ-то въ сторонѣ завизжалъ снарядъ, онъ вздрогнулъ и, подаваясь тяжести своей темной ноши, медленно припнулся къ землѣ.

IV.

...Былъ только артиллерійскій обстрѣлъ, — видимо, пѣмцы хотѣли воспользоваться хорошей погодой, — сильный, но

ли — разрывы. И гулкій звукъ почему-то отдавался внизу живота противнымъ тошнотнымъ ощущеніемъ.

Ротный писарь принесъ какія-то списки для подписи. Потомъ въ свое время денщики принесли обѣды. Все шло спокойно.

— Ну, какъ дѣла, Глазовъ? — спросилъ Волковъ денщика.

— Да ничего, ваще благородіе, — отвѣтилъ тотъ, принимая судокъ. — Бьетъ малость, ну, только зря, безъ послѣдствій.

Но Волкову вѣтъ не хотѣлось, все казалось противнымъ, а ощущеніе нудной тошноты внизу живота и мѣднаго вкуса во рту усилилось.

— Вы что не ѣдите? У васъ тоже? — спросилъ Мунтянъ такимъ простымъ и спокойнымъ тономъ, точно то, о чемъ онъ спрашивалъ, было очень обыкновенное и частое ощущеніе.

Потомъ онъ вышелъ, а Волковъ опять легъ на солому.

Точно сквозь сонъ, онъ услышалъ гулкій грохотъ гдѣ-то недалеко, почувствовалъ,

съ необыкновеннымъ раздраженіемъ, истерически выкрикнулъ Волковъ. — Я самъ буду убитъ.

Лицо у него было перекошенное, блѣднѣе, перекрещенное мятыми красными складками отъ лежанья. Невснѣ упало, и глаза, казалось, покрылись матовой зеленоватой пеленой. Онъ ничего не видѣлъ и не соображалъ. Не замѣтилъ, какъ и куда ушелъ Мунтянъ, и опять легъ на солому лицомъ внизъ и сталъ грызть стебли, уже покорно отдаваясь ощущенію приближенія чего-то важнаго и неминуемаго.

— Чего же ты боишься? — безпорядочно и торопливо думалъ онъ. — Вѣдь ты никогда раньше не боялся, и ничего бояться — и ничего страшнаго нѣтъ. Какъ же нѣтъ, когда сейчасъ все кончится, и небытіе, смерть? Откуда ты это знаешь? Ты знаешь? Нѣтъ... Ну, да знаю. Знаю. Нѣтъ, не знаю, но это будетъ, будетъ...

— Онъ смутно слышалъ визгъ пролетающихъ снарядовъ и до разрыва напряженно ждалъ, съжившись. И только, ко-

По фотографіи корреспондента «Огонька».

Аннамиты за работой на военномъ заводе.

Искусившіеся въ области гнусныхъ пріемовъ съ цѣлю вызвать расстройство въ арміяхъ своихъ противниковъ, иѣмны сдѣлали было попытку «обработать» въ желасмомъ смыслѣ колониальныя войска нашихъ доблестныхъ союзниковъ — французскъ. Для этой цѣли они распустили грязную клевету о тяжеломъ принудительномъ трудѣ, введенномъ будто бы французами для своихъ колониальныхъ войскъ. Известнымъ опроверженіемъ этой клеветы служить

гда вдали допалось, онъ на минуту чувствовалъ облегченіе и выпрямлялся.

— Я напишу объ этомъ Мунтяну, когда все кончится. Я докажу ему чуждость и неосновательность его теоріи предчувствій.

И тотчасъ же начиналъ мысленно сочинять письмо въ строгихъ, отточенныхъ выраженіяхъ и забывалъ ихъ, или нѣсколько разъ повторялъ одно и то же.

— Мнѣ же самому будетъ смѣшно при воспоминаніи о сегодняшнемъ днѣ. Надо, впрочемъ, приказать углубить землянку, и такъ я обману предчувствіе. Ахъ, да причемъ тутъ землянка, когда я весь чув-

воспроизводимый снимокъ, на которомъ изображены аннамиты, работающіе не по принужденію, а числящіеся во французской арміи въ качествѣ добровольцевъ. Вообще, среди «цвѣтныхъ» войскъ такихъ добровольцевъ насчитывается громадное количество, что съ достаточной убѣдительностью устанавливаетъ фактъ прочно-доброжелательнаго и вполне лояльнаго отношенія колониальныхъ войскъ къ метрополи.

ствую, что это скоро случится и это неизбежно... Ахъ, какъ все равно, — сказалъ онъ, наконецъ, себѣ устало и нѣсколько брезгливо, и отъ этого ему на минуту стало легче. — Ну, возьми же себя въ руки. Хоть умри спокойно.

Онъ хотѣлъ подняться и всталъ на четвереньки. И точно отъ этого движенія что-то съ рѣзкимъ звукомъ сильно ударило его по головѣ и по боку, и пахнуло въ лицо противнымъ, сладковатымъ и горячимъ запахомъ... На секунду Волкова охватило, какъ въ дѣтствѣ, когда въ дракѣ кто-то ударилъ его по носу, чувство страшной обиды, отъ которой хотѣлось заплакать... А потомъ онъ упалъ, легъ на

бокъ, въ головѣ зашумѣло, а стѣны и брусья землянки завертѣлись, закружились и пропали въ темнотѣ. *Антонъ Амнуэль.*

ДРАМА ВЪ НОЧИ

Разсказъ Клода Уайта и Харри Хартера.

(Съ англійскаго)

Плотно позавтракавъ, Хеншау взялъ таксомоторъ и отправился въ кафе близъ вокзала Ватерло. Тутъ его уже ждалъ его начальникъ, Экхерстъ. Съ перваго взгляда поражалъ контрастъ между этими людьми. Экхерстъ былъ худощавъ и подвиженъ, Хеншау — бѣлокурый, полный, казался, не имѣлъ понятія о томъ, что такое нервы.

За чашкой чаю Экхерстъ неожиданно росилъ:

— Вамъ приходилось летать по ночамъ? — Бывало...

Такъ слушайте, — Экхерстъ выложилъ на столъ какія-то записки, — нѣмцы, боясь за цѣлость своихъ аэроплановъ, заводовъ около Дюссельдорфа и Кельна, вскорѣ послѣ гоины построили такой заводъ цѣ-то въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ. Заводъ этотъ развивался очень быстро и занялъ первенствующее мѣсто.

— Мы, очевидно, покушаемся на этотъ заводъ? — перебилъ Экхерста Хеншау.

— Да, но трудность въ томъ, что мы не знаемъ его точнаго мѣстоположенія. Одно намъ известно, что онъ недалеко отъ берега моря и въ одинъ прекрасный день туда можно было бы направитъ съ нашими гидропланами, фрейсерами и подводными лодками. Но нанн летчики должны точно знать, куда имъ летѣть для сбрасыванія бомбъ.

— Что жъ, это опять дѣло для меня, — съ улыбкой сказалъ Хеншау, — каюсь.

Рисунокъ англійскаго художника.

Англійскія войска отражаютъ германскую атаку, предпринятую при помощи горячей жидкости.

въ томъ, что я похожъ на нѣмца и говорю по-нѣмецки, какъ одинъ изъ нихъ. Только не слишкомъ ли часто я наношу имъ визиты, пользуясь этими обстоятельствами?

— А все-таки я попрошу васъ отправиться на Юханнистальскій аэродромъ близъ Берлина и побывать тамъ въ офицерскомъ ресторанѣ.

— Говорите, не мучьте меня, — дѣлая видъ, что слова Эхкёрста приводятъ его въ ужасъ, умоляюще сказалъ Хеншау.

— Вы знаете, что мы недавно взяли въ плѣнъ нѣмецкій бипланъ новѣйшаго типа. Бумали нѣмецкаго летчика у насъ, и, кромѣ того, мы узнали сигналы, подающіеся цвѣтными ракетами при спускѣ нѣмецкаго авиатора надъ ихъ военными аэродромами. Одежда летчика точно на васъ сшита. Вамъ останется только попрактиковаться на новомъ аппаратѣ, а затѣмъ ждать подходящей погоды. Конечно, неудобно то, что вы отправитесь не на гидропланъ, но тогда вы не могли бы спуститься въ Юханнисталь. Но наши моряки устроили на кораблѣ особую платформу для вашего аппарата и выпустятъ васъ возможно ближе къ нѣмецкому берегу. Вы спускаетесь въ Юханнисталь и говорите, что практикуетесь въ ночномъ полетѣ, заблудились. Назовите какой-нибудь сосѣдній аэродромъ. Вы устали и отправляетесь подкрѣпиться въ ресторанъ. Тамъ въ разговорѣ, узнаете, гдѣ находится ихъ новый аэропланнй заводъ, и возможно скорѣе отправляетесь обратно. Корабли, привезшіе васъ, уйдутъ, но васъ будетъ ждать подводная лодка. Вы спуститесь возможно ниже къ водѣ и подадите сигналы изъ револьвера. Подводная лодка явится и заберетъ васъ съ вашего аппарата. Конечно, рискъ есть.

— И даже порядочный рискъ. Но планъ мнѣ нравится, и я берусь выполнить это порученіе.

Хеншау стоялъ на мосткѣ корабля рядомъ съ командиромъ.

— Мы подвозимъ васъ возможно ближе, — говорилъ этотъ послѣдній, — вамъ придется взять направление на юго-востокъ. До Берлина вы долетите немножко больше, чѣмъ въ два часа.

Хеншау кивнулъ головой. Онъ былъ уже въ полетномъ платьѣ.

Четверть часа спустя аппаратъ вмѣстѣ съ летчикомъ поднялся съ корабля и исчезъ во мракѣ ночи.

Хеншау даже не выглядывалъ со своего защищеннаго отъ вѣтра сидѣнія. Въ темнотѣ все равно ничего не было видно и нужныя ему свѣдѣнія онъ почерпалъ изъ всевозможныхъ аппаратовъ, помѣщенныхъ внутри биплана.

Быстро поднялся онъ на высоту нѣсколькихъ тысячъ футовъ. Кругомъ былъ все тотъ же мракъ. Время не тянулось для Хеншау.

Теперь онъ занятъ былъ компасомъ, стараясь держаться опредѣленнаго направленія. Вотъ стали поблескивать внизу огоньки — большія города. Къ счастью, въ эту ночь не было тумана.

Вдругъ впереди, далеко подъ собой, Хеншау различилъ какое-то желтоватое, точно свѣтящееся облачко. Онъ взглянулъ на часы и сообразилъ:

— Да это Берлинъ.

Съ помощью луча рефлектора онъ сейчасъ же нашелъ дорогу на Юханнисталь, постепенно опускаясь все ниже и ниже. Затѣмъ онъ вынулъ сигнальный револьверъ и подалъ сигналъ.

Теперь лучъ рефлектора нашелъ его. Потомъ внизу стали появляться сигналы, показывающіе летчику мѣсто спуска. Въ это мгновеніе, занятый спускомъ, Хеншау совсѣмъ забылъ, что спускается, быть можетъ, прямо въ объятія смерти, какъ шпионъ. Огни земли все приближались и, наконецъ, Хеншау вздохнулъ съ облегченіемъ. Снизиться такъ среди бѣла дня считалось бы неудачнымъ, но для ночного спуска все сошло благополучно. Машина была въ цѣлости, а, значитъ, ему обезпеченъ былъ побѣгъ.

Дежурный на аэродромѣ лейтенантъ отчаянно скучалъ въ эту ночь и поэтому обрадовался, когда ему сообщили о спускающемся къ нимъ аэропланѣ. Все-таки это было маленькое развлеченіе.

Взявъ помощника и своихъ солдатъ, онъ пошелъ къ мѣсту спуска.

Хеншау, соскочивъ съ аппарата, сбросилъ лишнюю одежду, чтобы не быть стѣсненнымъ въ движеніяхъ, и сунулъ два револьвера въ карманы куртки.

Младшій офицеръ освѣтилъ фонаремъ фигуру Хеншау и его аппаратъ. А Хеншау почтительно обратилъ къ лейтенанту передавая ему свои бумали и объясняя, что заблудился.

— Еще счастье, — сказалъ онъ, — что огни Берлина видны издали, а то гдѣсь мой бензинъ вышелъ бы и я свалился бы гдѣ-нибудь.

Удивляясь нашему старшему офицеру, — я изъ Биттенфельда, — что онъ послалъ меня практиковаться ночью съ машиной, развивающей такую страшную быстроту.

— Что же вы будете дѣлать — спросилъ соболѣзнующе лейтенантъ, — телефонируйте въ Биттенфельдъ.

— Это лишнее. Я голоденъ и замерзъ. Перекушу въ вашемъ ресторанѣ, который, вѣдь, открытъ всю ночь, а затѣмъ, опредѣливъ точно направленіе, еще до утра успѣю вернуться въ Биттенфельдъ. Быть можетъ, вы составите мнѣ компанію въ ресторанѣ?

Лейтенантъ повеселѣлъ. Оставивъ двухъ солдатъ у аэроплана, что очень не понравилось Хеншау, онъ отправился съ нимъ въ ресторанъ.

Младшій офицеръ, смотря вслѣдъ удаляющимся, надуделъ. Онъ долженъ торчать гдѣ-то на ехвонякъ, въ то время, какъ лейтенантъ будетъ закусывать и болтать. И въ голову офицера пришла мысль въ видѣ развлеченія позвонить въ Биттенфельдъ и сообщить имъ, что ихъ аппаратъ вмѣстѣ съ летчикомъ попалъ сейчасъ къ нимъ. Лейтенантъ и Хеншау вошли въ ресторанъ. Тутъ сидѣло еще нѣсколько офицеровъ, всѣ довольно мрачнаго гида. Для Хеншау дорога была каждая минута и онъ не терялъ времени. Лейтенантъ оказался яркимъ автомобилистомъ, и Хеншау воспользовался этимъ, чтобы сказать, что у него былъ другъ, тоже увлекавшійся этимъ спортомъ. Но теперь онъ на аэропланномъ заводѣ въ Шлезвигѣ.

— Обязательно навѣщу его, какъ только получу отпускъ, — сказалъ Хеншау, — постойте, какъ же называется это мѣстечко?...

— Грондернъ, — былъ скорый отвѣтъ. — Какого еще мнѣ придется держаться? — пошелъ на рискъ Хеншау, — боюсь заблудиться.

— Мѣстечко будетъ на мило въ право отъ рѣки, къ востоку отъ острова Сильтъ. Въ общемъ же, въ глубь страны будетъ двадцать пять миль отъ берега моря.

— Спасибо, — сердце Хеншау громко стучало, но голосъ его былъ спокоенъ. Ему, право, слишкомъ везло.

Докончивъ свой супъ, Хеншау взглянулъ на часы и заявилъ:

— Къ сожалѣнію, мнѣ пора.

Лейтенантъ былъ разочарованъ, но Хеншау увѣрилъ его, что онъ не можетъ оставаться дальше. Въ Биттенфельдѣ поднимутъ тревогу, если онъ не вернется къ утру. Они снова очутились въ темнотѣ и вдругъ Хеншау замѣтилъ, что въ одной сторонѣ аэродрома кто-то подавалъ какіе-то сигналы фонаремъ. Въ то же время прозвучалъ безпокойно свистокъ.

„...Офицеръ освѣтилъ фонаремъ фигуру Хеншау...“

Хеншау мгновенно понялъ въ чемъ дѣло — ему надо спасаться. Дѣйствовать же пришлось не теряя минуты. Поэтому Хеншау быстро обернулся къ лейтенанту и свалилъ его на землю однимъ ударомъ подъ подбородокъ. Лейтенантъ лежалъ безъ движеній, а Хеншау помчался со всѣхъ ногъ къ своему аппарату. Солдаты, обсервавшіе бипланъ, ничего не подозревали и когда дважды выстрѣлилъ револьверъ Хеншау, первый изъ солдатъ молча упалъ ничкомъ на землю. Второй, сразу сообразивъ, что надо защищаться, вскинулъ ружье, но было уже поздно. Револьверъ Хеншау послалъ его вслѣдъ за товарищемъ.

Хеншау вскочилъ на свое сидѣнье и въ это мгновеніе его поймалъ лучъ прожектора, усиленно заработавшій въ эту минуту.

— Чортъ возьми! воскликнулъ Хеншау, но въ то же мгновеніе его аппаратъ вздрогнулъ и двинулся. Кругомъ стала раздаваться стрѣльба.

И въ это мгновеніе Хеншау вдругъ почувствовалъ острую боль въ головѣ, и потокъ крови ослѣпилъ его.

Аэропланъ неся теперь съ большой скоростью, преслѣдуемый лучами прожекторовъ, все выше и выше. Вытирая кровь платкомъ, Хеншау усилиемъ воли заставлялъ себя дѣйствовать. Но его насквозь пронизывалъ холодъ, такъ какъ онъ не

успѣлъ одѣть верхняго платья и потеря крови все больше и больше ослабывала его.

— Чортъ возьми, — сказалъ онъ себѣ, — я сейчасъ потеряю сознание и тогда... конецъ.

Съ невѣроятными усилиями вытащилъ онъ изъ кармана своей верхней одежды, лежащей позади его сидѣнья, бутылочку съ бранди и плитку шоколада. То и другое быстро освѣжило его и придало ему новыхъ силъ.

— Теперь все хорошо, — подумалъ онъ, — вотъ начнется каша, когда я подамъ сигналъ подводной лодкѣ!..

Прошло два кошмарныхъ для Хеншау часа. То ему было холодно, то онъ весь горѣлъ. Временами ему казалось, что его голова раскалывается. Онъ ужъ приближался къ берегу моря и увидѣлъ съ ужасомъ, что по всему побережью усиленно работали прожекторы. Бензинъ его приходилъ къ концу и рисковать подняться на большую высоту, чтобы избѣгнуть этихъ лучей, Хеншау не могъ.

Скоро одинъ изъ лучей нашелъ аппаратъ Хеншау и сейчасъ же начался шрапнельный огонь. Но аппаратъ благополучно перелетѣлъ на море съ суши, а тутъ ужъ недалеко было до подводной лодки.

Хеншау слегка опустился и приготовилъ револьверъ для подачи сигналовъ лодкѣ. Машинный огонь оглянулся на берегъ и весь похолодѣлъ. Отъ берега прямо къ нему летѣлъ большой дирижабль.

— Все кончено, — пронеслось въ головѣ Хеншау, — если подамъ сигналъ лодкѣ, онъ будетъ сигналомъ и для дирижабля, который постарается уничтожить насъ. Но, вѣтъ, больше нечего дѣлать!..

Хеншау сталъ быстро спускаться къ водѣ. Въ то же время, онъ подалъ условленный сигналъ. Какъ только аппаратъ спустился къ водѣ, Хеншау вылезъ со своего сидѣнья на заднюю часть аппарата. Онъ зналъ, что аппаратъ скоро пойдетъ ко дну и теперь ужъ его передняя часть была подъ водой, а хвостъ, на которомъ сидѣлъ Хеншау покачивался волнами изъ стороны въ сторону. Уже ледяная вода коснулась колѣнъ Хеншау, а подводной лодки не было видно.

— Гдѣ эта проклятая лодка? Гдѣ... Слова застряли въ горлѣ Хеншау. Совсѣмъ низко, прямо надъ нимъ, летѣлъ иѣмецкій дирижабль. Очевидно онъ уже намѣтилъ свою жертву. Въ это мгновеніе раздался оглушительный звукъ, и конкурируя съ нимъ, раньше даже чѣмъ онъ раздавался, поднялся столбъ воды, залившій всего Хеншау и сбросившій его прямо въ волны.

— Черти сбросили бомбу, — машинально, сообразилъ Хеншау. Когда онъ открылъ глаза, онъ увидѣлъ себя въ лучѣхъ прожектора, а дирижабль все еще дѣталъ надъ нимъ. Казалось, что онъ спустился еще ниже и стоялъ теперь неподвижно.

— Что они будутъ дѣлать? — подумалъ Хеншау. Онъ совсѣмъ ослабѣлъ и, закрывъ глаза, отдался на волю волнъ.

«...А подводной лодки не было видно...»

Его вывели изъ оцѣпленія выстрѣлы, совсѣмъ близко отъ него. Хеншау оглянулся и въ это время замѣтилъ, что съ дирижаблемъ было не ладно. Вся его форма вдругъ какъ-то измѣнилась и онъ двигался какъ то неровно и бокомъ. Опять заиграла лучъ прожектора и освѣтилъ въ водѣ то, что заставило сердце Хеншау радостно забиться.

Къ нему шла подводная лодка усердно обстрѣливавшая дирижабль, который по всѣмъ признакамъ былъ сильно поврежденъ. Лодка замѣтила Хеншау, плывшаго въ лучѣхъ прожектора, и онъ скоро очутился въ безопасности, среди своихъ моряковъ. Ласковыя лица склонялись къ нему, но все, что онъ могъ выговорить, было:

— Чортъ возьми, счастливо же я отдѣлался!

— Это правда, — сказалъ командиръ подводной лодки, — но и смѣльчакъ же вы! — добавилъ онъ съ уваженіемъ.

Переводъ В. Фанагорской.

ЛЕГЕНДА ДВОРЦА

Fondaco dei Turchi.

(Съ итальянскаго)

Венеція — городъ легендъ. Ея дома, улицы, дворцы, въ теченіи вѣковъ не пзмѣняющіе своего характера, хранятъ много полныхъ поэзіи преданій. Старыя женщины, сидя на улицѣ у дверей своего дома подъ чистымъ прозрачнымъ небомъ, рассказываютъ эти нѣжныя, грустныя, робкія легенды въ безмятежной тишинѣ, не нарушаемой тяжелымъ дыханіемъ человѣческаго труда. Одна изъ нихъ вѣзлась мнѣ въ память, вѣзлась, можетъ быть, благодаря красотѣ самого рассказа, можетъ быть, потому, что мнѣ пришлось услышать ее въ томъ возрастѣ, когда душа полна мечтаній, надеждъ и стремленій, когда въ каждой мысли дрожитъ и искрится отблескъ любви.

За мостомъ Риальто стоитъ въ Венеціи дворецъ Fondaco dei Turchi. Онъ построенъ въ стилѣ, характерномъ для самыхъ красивыхъ дворцовъ города, въ стилѣ, въ которомъ все говоритъ о душѣ, все, какъ стихъ великаго поэта, дышитъ поэзіей.

Эти мраморные дворцы любятъ не блескъ золотого солнца, но блѣдныя лучи луны, пробирающейся изъ-за переплетовъ колоннъ.

И Марида, юная невольница, блѣдная, какъ безжизненный мраморъ, и прекрасная, какъ Венера старинныхъ мастеровъ, увидѣла Венецію ночью, когда остроградная галера, нагруженная дорогими восточными благовоніями и драгоценными камнями, вошла въ воды Канеляццо, озаренныя тихимъ блѣднымъ свѣтомъ. Купецъ, купившій Марицу для своей услады и погрузившій ее на галеру какъ дорогой товаръ, потопилъ къ ней, охваченный очарованіемъ ея юной, еще не вполне расцвѣтшей красоты.

«Вотъ Канеляццо. Вонъ тамъ нашъ дворецъ, гдѣ ты будешь царицей, а я рабомъ, гдѣ я бчу преклоняться передъ твоими желаніями, передъ твоими прихотями»...

Красавица молчала, очарованная роскошью города лагуны. Молчала, но съ глазъ ея въ тишинѣ падали слезы. Ей вспоминалась блѣдная лачуга на берегу быстрой прозрачной рѣчки, гдѣ, одѣтая въ рубище, полунищая, провела она свое дѣтство.

Галера остановилась. Потерживаемая купцомъ, она вступила на источенныя водой и временемъ мраморныя ступени. На встрѣчу имъ вышли старики съ оббитыми тюрбанами головами и ея будущія подруги по неволѣ — женщины, закутанныя въ дорогие восточныя шелка и увѣшанныя драгоценными украшениями. Купецъ провель ее въ залу, устланную коврами, въ которыхъ замиралъ звукъ шаговъ. Онъ ушелъ, а она, блѣдная, проданная женщина, растянулась на коврѣ. Кроткіе, испуганные, удивленные глаза блуждали по всѣмъ окружающимъ ее невѣдомымъ богатствамъ, и ей казалось, что она живетъ во снѣ.

Купецъ векорѣ вернулся съ руками, полными драгоценностей. Среди пылающихъ рубиновъ на золотыхъ щитахъ нагрудныхъ украшеній горѣли брилліанты, томились печальные опалы, перелетались цѣпи рѣдкихъ жемчужинъ, почтенныхъ и нѣмыхъ таинственныхъ морскихъ глубинъ, пылали тысячами огней безцѣнные запястья.

Все это, склонившись передъ ней, онъ принесъ ей въ даръ. И дѣвушка, не знавшая доселѣ ничего, кромѣ рубища, едва прикрывавшаго ея непорочно тѣло, ослѣпленная роскошью подарковъ, стала украшать себя съ радостными криками и смѣхомъ.

И цвѣтокъ красоты и молодости склонился своей пурпуровой голозкой передъ обманчивымъ блескомъ холодныхъ камней.

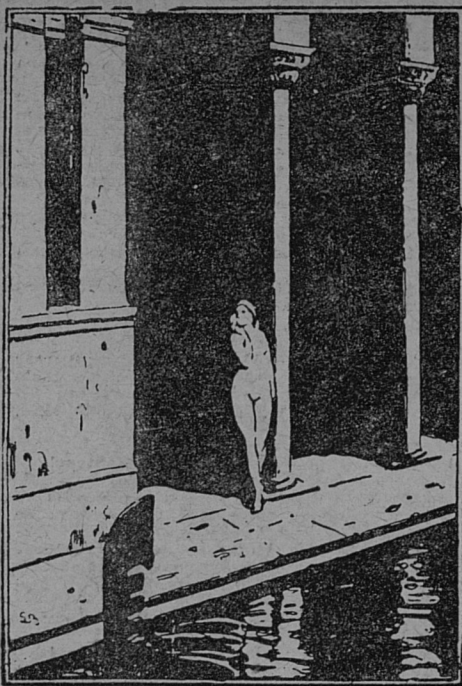
Но счастье, которое раскрываетъ свою тайну цвѣтамъ и всему тому, что застѣнчиво и прекрасно, скрываетъ ее отъ драгоценностей.

Напрасно купецъ окружалъ дѣвушку роскошью, напрасно дарилъ ей шелка и благовонія: ничто больше не привлекало ее. А онъ, стораю отъ охватившей его любви, склонившись передъ ней молилъ съ однимъ взглядъ, поцѣлуемъ, ласковымъ словѣмъ:

— Скажи мнѣ, что подарить тебѣ для твоего счастья? Въ какомъ ларцѣ таится сокровище, достойное твоей красоты? Какой ароматъ можетъ ошьянить тебя?..

Дѣвушка молчала, вся охваченная какимъ-то видѣніемъ. Ей нужны были просторъ, свобода, радость, а не золотыя цѣни, сковывавшія весну ея жизни.

— Проси, проси!.. — умолялъ онъ, — здѣсь все для тебя! Нѣтъ сокровища, которое не было бы твоимъ, нѣтъ воли, ко-

«...Марица нагая, дрожащая, вышла на каналъ...»

торая не склонилась бы передь твоей. Моя мысль ни на минуту не покидаеть тебя. Я все готовъ дать тебѣ...

Но не зналъ купецъ, чего она хотѣла, не зналъ о смѣлой божественной мечтѣ, пѣвшей въ душѣ ея волшебную пѣснь...

Однажды ночью, когда онъ спалъ, она осторожно спустилась съ постели. Все было тихо и спокойно въ таинственно сияющемъ дворцѣ. Безшумно спустилась она босая по широкой лѣстницѣ, крадучись пробираясь среди колоннъ. Вотъ и каналъ. Какъ ночью похожа на нее, Марицу, Венеція, блѣдная, блестящая драгоценностями...

Вдругъ молчаніе прервала пѣснь:

Какъ легкой вѣтерокъ,
Какъ золотой лучъ солнца
Пусть пѣснь моя летитъ
Къ тебѣ, о, дорогая...

Пѣснь приближалась. Неподвижныя воды канала заколыхались подъ легкой длинной лодкой. Блѣлый силуэтъ Марицы отчетливо вырисовывался среди колоннъ.

Что-то прошумѣло въ воздухѣ и упало къ ногамъ Марицы. Она нагнулась и подняла розу. Прижимая ее къ губамъ въ безконечно долгомъ поцѣлуѣ, она вернулась въ комнату, гдѣ спокойно и доверчиво спалъ купецъ. Подъ пропитанными дорогими ароматами одѣялами она чув-

ствовала только пѣжное благоуханіе розы, которую прижимала къ груди, прислушиваясь, заставивъ дыханіе, къ замирающей въ дали пѣснѣ.

Купецъ возвратился изъ далекаго путешествія, путешествія предпринятаго для Марицы, только для нея одной, только для того, чтобы похитить у Востока сокровища, достойныя ея красоты, надѣясь, что снова удастся ему услышать тѣ крики радости, которые однажды отдали ее ему.

Онъ вернулся въ городъ мечты на вооруженной галерѣ, на галерѣ, защищенной своей грузь, своя сокровища отъ пиратовъ. На мачтахъ ея еще чернѣла кровь враговъ, а на тѣлѣ купца видѣлись слѣды ранъ, полученныхъ въ борьбѣ, изъ которой онъ вышелъ побѣдителемъ.

На его зовъ вышла Марица въ сопровожденіи женщины, которой было поручено не оставлять ее ни на минуту во время его отсутствія. Онъ совлекъ съ нея одежды, дрожащими руками снова окуталъ ея тѣло затканными золотомъ тканями и повѣсилъ ей на грудь дивное украшеніе—сдѣланную изъ тысячи рубиновъ большую розу. Ради этой драгоценности онъ рисковалъ жизнью и проражалъ на смерть другихъ.

Онъ ждалъ радостнаго крика всехвальной, но Марица, вся блѣдная, выпула изъ-подъ подушки свѣжую благоухающую розу и, цѣлуя ее, указала на нее своему поводителю.

«Кто тебѣ далъ ее?» — спросилъ онъ, дрожа.

Она улыбнулась тихо, какъ во снѣ.

И ночью, когда онъ спалъ, она скинула съ себя тонкіе шелковые покровы, бросила на землю обгаренное кровью драгоценное украшеніе, прошла черезъ дворецъ, таившей тайны и преступленія и, нагая, дрожащая, вышла на каналъ. Въ безмолвіи ночи слышалась съ темной гондолы полная грусти мольба неизвѣстнаго пѣвца:

Къ тебѣ, къ тебѣ, моя любовь...
Моя пѣснь летитъ съ мольбою

Онъ видѣлъ сверкающую наготу женщины, зажегшей въ немъ страсть, вдохновлявшей его пѣсню. Онъ колебалъ, что она идетъ къ нему, сбросивъ съ себя все, что могло бы напомнить о прошломъ. И руки его сложились какъ бы для молитвы, и губы прошептали безнадежный кризисъ.

Шумъ, плескъ воды... Онъ ждалъ, замирая отъ страха и отъ любви... Но вотъ у самой гондолы показалась дѣвушка, прекрасная, какъ сказочная сирена. Съ благо тѣла падали капли, блиставшія при

лунномъ свѣтѣ, какъ брилліанты. И пѣвецъ, помогая ей войти въ гондолу, увидѣвъ, что въ рукахъ она сжимала алую розу, измятую, поблекшую, вѣроятно, послѣднюю изъ тѣхъ, которыя по волнамъ онъ посылалъ ей.

Когда купецъ проснулся, на ложѣ рядомъ съ нимъ никого не было, и напрасно въ отчаяніи звалъ онъ Марицу...

Въ безнадежной тоскѣ цѣловалъ онъ ея одежды, ея покрывала и тѣ драгоценности, которыми хотѣлъ купить ея молодость и чистоту и которыя, казалось, еще хранили отпечатокъ и ароматы ея тѣла.

Потерявъ, наконецъ, надежду на ея возвращеніе, издержавъ несметныя сокровища на ея поиски и появивъ въ концѣ концовъ, что жить безъ нея онъ не можетъ, онъ тихой, ясной ночью тоже покинулъ свое ложе, прошелъ черезъ спящій дворецъ и, сжимая въ рукахъ рубиновую розу, бросился внизъ головой въ воды канала.

И серебряная луна, все видѣвшая черезъ переплеты оконъ, съ насмѣшкой смотрѣла на человѣка, хотѣвшаго купить любовь.

Воды канала не отдали тѣла самоубійцы. Можетъ быть, теченіемъ его отнесло къ порту, откуда мертвый онъ предпринялъ свой послѣдній путь на востокъ...

«...Роза украшаетъ темную головку молодой красавицы...»

Но недавно, какъ разъ около Fondaco dei Turchi, водолазъ нашелъ поросшую водорослями, извѣденную морской солью и временемъ драгоценную розу легенды. И теперь, во время праздниковъ въ одномъ изъ княжескихъ домовъ, она украшаетъ темнокурую головку молодой красавицы.

Переводъ Е. Назиковой.

Редакторъ Владимиръ Бонди.

Изданіе Т-ва С. М. Проптера — «Биржевыя Вѣдомости».

ОСЛѢПИТЕЛЬНО
БѢЛЫЕ ЗУБЫ, ЗДОРОВЫЯ ДЕСНА,
ПРІЯТНОЕ СВѢЖЕЕ ДЫХАНІЕ
ОТЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ ЗУБНОЙ ПАСТЫ „ПРИМА“.

Зубная паста «Прима» прекращаетъ образованіе кислотъ, уничтожаетъ дурной запахъ изо рта, удаляетъ застрявшіе между зубами мельчайшіе остатки пищи, что прекращаетъ гніеніе и способствуетъ сохраненію здоровыхъ зубовъ до глубокой старости.

Дѣти охотно чистятъ зубы пастой «Прима», благодаря ея пріятному вкусу и ароматичности.

Требуйте пасту «Прима» въ ближайшей аптекѣ, аптекарскомъ магазинѣ или изъ ЛАБОРАТОРИИ

«ПРИМА», ПЕТРОГРАДЪ, НИКОЛАЕВСКАЯ, № 16, отд. 5. Обращайте вниманіе на ориг. упаковку Лабораторіи «Прима».

Въ Петроградѣ: Въ Литейной ауг-
кѣ, Литейный просп., 47.

ПРИ ГОНОРРЕѢ (трипперѣ)

въ острой и хронической формѣ, а также ея послѣдствіяхъ съ громаднымъ успѣхомъ примѣняется испытанный въ теченіе долгихъ лѣтъ препаратъ

„АРМАТИНЪ“ А. Я. АКУЛЯНЦА

для внутреннего употребленія „Арматинъ“ совершенно безвреденъ для организма в однократное употребленіе при употребленіи и женщинами. При употребленіи „Арматина“ не требуется никакихъ спринцеваній, промываній, прижиганій, бужированій и т. п.

Предостереженіе: „Арматинъ“ А. Я. Акулянца вызвалъ на рынкѣ много разнаго рода грубыхъ и вредныхъ для организма поддѣлокъ, а потому проситъ господъ акулянцевъ быть особенно осторожными при покупкѣ и требовать „Арматинъ“ только А. Я. Акулянца съ этикеткой блѣда ромашки.

Цѣна 1 кор. 3 р. Продажа въ аптекахъ пороч. врач. Аптекамъ, аптек. складамъ, лечебницамъ и пр. лечебн. учрежд. — скидка на главн. склад А. Я. Акулянца. Москва, Улавскій п. 21.

Въ Петроградѣ: огтовый складъ у
Д. В. Потковича, Мухомовъ 31, кв. 63.
Тел. 185-88.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ СНИМКИ СЪ НАТУРЫ

любитъ жанра. Получ. съ больш. затрат. изъ Парижа. Высыл. въ нагл. зашт. поспакъ наложен. плат. Ц. одной серіи 3 р. 50 к. Адр.: Москва, складъ „КАДО“. Сыромятники, 3/12.

ЧАРОДѢЙСТВО И НАРОДНЫЕ ЗАГОВОРЫ.

Предсказанія человѣческой судьбы на всѣ задуманные вопросы. Толкованіе сновъ. Раскрытіе тайнъ халдейскихъ мудрецовъ, египетскихъ жрецовъ и индійскихъ факировъ. Кабальстика. Хиромантия. Білая и черная магія. Отгадываніе именъ, кто кого любитъ. Талисманы къ продолженію жизни и множеству друг. интерес. свидѣній содержитъ книга „Чародѣй“, высыл. налож. плат. за 3 р. 60 к. Треб. адрес.: Москва, изд-ству „СОКОЛЬ“, отд. 3.

Практическое руководство (ЭНЦИКЛОПЕДІЯ) ДЛЯ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Необходимо какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ. Искусство быть внимательнымъ въ обществѣ, пользоваться успѣхомъ въ жизни. Интересный собесѣдникъ. Хорошій тонъ. Секреты красоты. Образы различн. писемъ. Рѣчи, тосты и проч. на разные случаи. Краткое содержаніе: Обращеніе кавалера съ дамой. Обращеніе дамы съ кавалеромъ. Игры и забавы въ обществѣ. Розыгрыши и выкупъ фантовъ. Искусство говорить рѣчи и тосты. Сборникъ интересныхъ стихотвореній. Афоризмы о женщинахъ. Афоризмы о мужчинахъ. Любовныя примѣты. Секреты красоты. Совѣты и указанія желающимъ пользоваться успѣхомъ. 1) Совѣтъ женщинамъ. 2) Совѣтъ мужчинамъ. Практич. совѣты во всѣхъ случаяхъ жизни. Нѣсколько словъ о брачѣ. Образы различн. писемъ. Цѣна 2 руб. 50 коп., перес. 50 коп. Требов. адресовать: Издательство „Народное Благо“, Петроградъ, Ковнахъ, 8—10.

Сахаръ,	ДОМАШНЕЕ ИЗГОТОВЛЕНІЕ. Дешевое и простое, доступное всѣмъ и вездѣ въ обыкновенной посудѣ изъ всякой имѣющихся материаловъ. Около 40 практическихъ рецептовъ съ подробными наставленіями. Источникъ экономіи и богатства. Ц. 8 р. 75 к. Заказы и деньги адр.: Москва, Тверская, 44 конт. „Акціонеръ“.	Мыло,
конфекты,		Свѣчи,
Шоколадъ,		Чернила,
Модъ,		Кремы,
Напуги.		Мазн.

„ТАРО“ Другъ тоскующихъ.

Эта книга знаменитой парижской ясновидицы гадальщицы Ленорманъ, предсказавшей судьбу императ. Наполеону I. Книга гаданій на картахъ, безошибочно предсказывающая судьбу каждому: Узнать счастливые и несчастные дни своей жизни, имѣть въ чемъ-либо успѣхъ, опредѣлить время своей смерти, чего необходимо остерегъ въ жизни разбогатѣть ли вы, примѣты вашихъ врагъ и друзей, придется ли вступить въ бракъ, примѣты и знаки, а также характеръ будущ. дѣтей или невесты, получить желаемое мѣсто или долж- ность, выиграть, отыскать пропавш. и узнать похитит., токсикологія и предчувствій и пр. и пр. Въ обществѣ гадать по этой книгѣ можно положительно обо всемъ. Въ книгѣ помѣщены также знаменит. ПАСЬЯНСЫ и карточ. фокусы. Цѣна книги съ колодой картъ 4 р. 75 к. Заказы и деньги адресовать: Москва, Тверская, № 24, конт. „Акціонеръ“.

САМООБЛАДАТЕЛЬ

ВАЖНО ДЛЯ ВСѢХЪ, а въ особенности вѣтъ стремящимся къ успѣху въ жизни.

Полное господство надъ всѣми душевными волненіями. Одна изъ чудесныхъ тайнъ волшебной Индіи! Всѣмъ страдающимъ отъ волненія, страха, робости, застѣнчивости, малодушія и проч. отрицательныхъ сторонъ нашего характера предлагаемъ изуми- тельный по своей несложности, простотѣ конструкции и способу выплыванія приборъ „Самообладатель“, примѣняя который въ короткій срокъ можно достигнуть поражающ. результатовъ и въ корнѣ уничтожить страхъ, робость, застѣнчивость и приобрести полное господство надъ собою и другими. Цѣна 3 руб. 25 к. * Заказы и деньги адресовать: Москва, Издательство ЮРОТИЦЪ.

Съ прибылями 3,000 — 8,000 рублей

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ ДОХОДНЫХЪ ДѢЛЪ

2 книги завѣтныхъ стремленій человѣка: создать себѣ жизнь по душѣ, устроиться своимъ доходнымъ дѣломъ, имѣть обезпеченіе. Указываютъ многія дѣла на 8,000 руб. дохода, доброе изъ которыхъ можно начать съ грошей и получить немедленно и самую прибыль съ легкаго сезона. Дѣла, что за 3 мѣ- сяца даютъ 3 тыс. дохода. Ц. 2-я книга „Энци.“ 4 р. 95 к. съ перес. асса благодарностей. Адр.: „Новая Жизнь“ и Наука, Москва, Среди. Переславская, 3-18.

ОТКРЫТКИ

фр. фаб. худ. черн. и раск. гол. кр. Св. скарт. и др. чер. бр., совр. соб. **РУССКАЯ РЕВ ЛЮДИ**. Портр. дѣят. и пр. соб. изданія. Принт. печат. фот. съ негат. заказ., быстро въ люб. колич. **ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЮМО ЛАБОРАТОРИЯ** Москва, Мясн. вилк., Кривокоп. 2-9. Проб. пос. в. 5, 10 и 15 р. по пол. деп.

БУДУЩЕЕ

каждого человѣка мгновенно и безошибочно раскрываютъ **магическія карты**. Полная колода съ на- ставленіемъ высыл. нал. плат. за 1 р. 50 к. Адр.: Москва, Печатниковъ пер. 18/3, ред. журн. „Соколь“.

Толкователь вѣщихъ сновъ.

Большой томъ въ многокрасочной обложкѣ. Цѣна 8 р. 75 к. Адр.: МОСКВА, изд-ство „СОКОЛЬ“, отд. 3.

„КУРСЪ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРІИ“

популярн. руководство для краткосрочн. подгот. къ экз. на вѣщ. нач. учителя, учит-цы. Изданіе сост. изъ двухъ част., включа. въ себѣ весь учебн. матеріалъ, необходимый для сдачи экз. од- готовка безъ помощи учит. Доступно для всѣхъ! Цѣна полн. „Курса учит. семинаріи“ 12 р. 50 к. Высыл. по полученіи 1/2 за- датка. Заказы и письма адресовать: МОСКВА, Тверская, 24/10. ИЗДАТЕЛЬСТВО „АКЦИОНЕРЪ“

НОВЫЯ СЕНС. ЦІОННЫЯ КНИГИ:

„Святій Чортъ“ ц. 2 р. 50 к. „Царскіе Холопы“ съ иллю- „Григорій Распутинъ“ съ фо- страціями въ текстѣ ц. 2 р. то-иллюстрац. въ текстѣ ц. 2 р. „Тайны Схрани“ ц. 2 р. „Тайна Дома Романовыхъ“ „Николай въ Аду“ ц. 1 р. ц. 2 р. „Власть Тѣла“ ц. 2 р. 50 к. Заказы и деньги адрес: Москва, Тверская, 24/10. Издаг. Т-во „Акціонеръ“.

СИФИЛИСЪ

во всѣхъ его стадіяхъ успѣшно излечивается при помощи усовершенствованнаго французскаго **ПРЕПАРАТА Д-РА ДЕ-ВЕЗА.**

Слабое дѣйствіе обычныхъ противо-сифилитическихъ средствъ приводитъ къ тому, что больные забрасываютъ леченіе, обрекая себя на страшныя послѣдствія запущеннаго сифилиса. Сифилитическія бациллы, укрѣпляясь въ тѣлѣ боль- ного, отравляютъ всѣ его органы опасными ядами, что грозитъ спинной сухоткой, прогрессивнымъ параличемъ и полнымъ раз- рушеніемъ всего организма. Только радикальное и энергичное ле- ченіе сифилиса освобождаетъ больного отъ грозныхъ призраковъ. **Препаратъ Д-ра Де-Веца** признанъ специалистами—врачами неизмѣненнымъ средствомъ для леченія сифилиса въ домашней обстановкѣ.

Препаратъ Д-ра Де-Веца уничтожаетъ сифилитическихъ микробовъ и очищаетъ отъ выдѣляемыхъ ими ядовъ всѣ поражен- ные органы.

Препаратъ Д-ра Де-Веца уничтожаетъ сыпи, гнойныя об- разованія, гуммы и язвы, возникающія на почвѣ сифилиса, прекращаетъ головныя боли, боли въ ногахъ и спи- нѣ, устраняетъ бессонницу и ослабленіе памяти, эрвія, слуха.

При леченіи сифилиса въ его третьей стадіи **Препаратъ Доктора Де-Веца** ока- зываетъ неоцѣнимыя услуги и предупреж- даетъ развитіе спинной сухотки и про- грессивнаго паралича.

Цѣна одной коробки—6 руб.
Курсъ леченія 3—5 коробокъ,
ПОПУЛЯРНАЯ БРОШЮРА
ВЫСЫЛАЕТСЯ
БЕСПЛАТНО.

Исключительная продажа въ Москвѣ въ Отдѣленіи „Лабораторія Практической Медицины“ въ Парижѣ. Срѣтенскія ворота, № 2, отд. 8/22
Отдѣленіе Лабораторія Практической Медицины въ Петроградѣ—Литейный пр., 30. Лицамъ, состоящимъ въ дѣйств. арміи и вообще въ войсковыхъ частяхъ, препараты высылаются только по полученіи всей стоимости таковыхъ.